

СОНЪ ВЪ ИВАНОВУ НОЧЬ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Шекспиръ, горячо привязанный къ родному, англійскому, чуткій и воспріимчивый ко всему живому, не произвелъ ни одной пьесы, въ которой бы не было прямыхъ отношеній къ современности или намековъ на связи съ знаменитѣйшими изъ его современниковъ. Всего яснѣе выразилось такое направленіе въ его пьесѣ «Сонъ въ Иванову ночь», которая, очевидно, написана на случай какого-то бракосочетанія и, по преданію, представлена была въ самый день свадьбы одного изъ знатныхъ друзей Шекспира (можетъ быть графа Соутгэмптона?).

«Сонъ въ Иванову ночь» относится ко второму періоду дѣятельности великаго поэта, когда онъ, достигнувъ тридцатилѣтняго возраста, вошелъ въ славу, пріобрѣлъ знатныхъ друзей и покровителей, сталъ не только достаточнымъ, но почти богатымъ человѣкомъ, и проводилъ веселую и шумную жизнь среди людей, составлявшихъ цвѣтъ и гордость блестящаго вѣка Елизаветы. Къ этому періоду относится большая часть произведеній Шекспира: всѣ его хроники, всѣ комедіи, всѣ эротическія пьесы — все, кромѣ трагедій. Отечественная исторія и преданія, роскошныя картины счастья, любви и дружбы, геройскіе подвиги мужества, прославленіе красоты и душевной, и тѣлесной — вотъ около чего вращается внутреннее содержаніе Шекспировыхъ произведеній второго періода. Внѣшняя сторона драмъ этого періода отличается неистощимымъ юморомъ, веселостью и легкостью изложенія, немногосложностью интриги, обиліемъ шутовскихъ интермедій, а также пристрастіемъ поэта къ внутреннимъ созвучіямъ (аллитераціи) и къ заключительнымъ риѳамъ.

«Сонъ въ Иванову ночь» былъ уже напечатанъ въ 1600 году, и даже не одинъ, а два раза; это не мѣшаетъ однакоже комментаторамъ Шекспира относить пьесу къ 1594—1596 годамъ. Эта пьеса, вмѣстѣ съ «Бурею», которая принадлежитъ другому періоду дѣятельности великаго поэта, представляютъ собою самыя легкія и игривыя произведенія фантазіи Шекспира, которыя, при полномъ отсутствіи содержанія, очаровываютъ насъ общимъ впечатлѣніемъ удивительно милыхъ и оригинальныхъ эпизодовъ. Дѣйствительно, трудно себѣ представить что-нибудь проще и незамысловатѣе содержанія такой пьесы, какъ «Сонъ въ Иванову ночь». На первомъ планѣ

стоять двѣ пары влюбленныхъ, между которыми взаимная любовь распредѣлена неравномѣрно. Ихъ окружаетъ невидимая влюбленнымъ жизнь и дѣятельность маленькаго міра эльфовъ и фей, ихъ лукавыя продѣлки, ихъ забавы и занятія, обрисованныя такъ неподражаемо-хорошо, съ такою отчетливостью и живостью, что сами эльфы и феи начинаютъ постороннему наблюдателю казаться (и не безъ причины) гораздо болѣе естественными и возможными, чѣмъ Герміа и Деметрій, Лизандеръ и Елена. Позади этихъ двухъ влюбленныхъ паръ, являются уже совершенно блѣдныя личности Тезея, Ипполиты, Филострата и Эгея, почти не участвующія въ дѣйствіи, а лишь присутствующія при совершеніи его. И рядомъ съ этими полуживыми или вовсе неживыми типами, заимствованными изъ отдаленнѣйшаго періода классической древности, рядомъ съ туманнымъ міромъ фей и эльфовъ, безслѣдно снующихъ, скользящихъ, кишачихъ въ таинственномъ мракѣ ночи, или при блѣдномъ свѣтѣ луны, Шекспиръ, страстно любящій противоположности, ставитъ артель грубыхъ, тупоумныхъ, неуклюжихъ ремесленниковъ, добродушныхъ и довѣрчивыхъ, боязливыхъ, и неодаренныхъ разборчивымъ вкусомъ, при самомъ усердномъ желаніи и готовности услужить *герцогу аѳинскому* Тезею, котораго они любятъ и уважаютъ. Изъ сопоставленія такихъ взаимно противоположныхъ элементовъ Шекспиръ выводитъ рядъ

306

самыхъ веселыхъ и шутивыхъ сценъ, которыя, къ сожалѣнію, гораздо пріятнѣе читать, чѣмъ видѣть на сценѣ, гдѣ постановка ихъ бываетъ обыкновенно крайне безвкусна или просто — безсмыслена.

Судя по тому, что «Сонъ въ Иванову ночь» былъ уже въ 1600 году два раза напечатанъ, должно предполагать, что пьеса пользовалась значительною популярностью въ началѣ семнадцатаго вѣка. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что этою популярностью «Сонъ въ Иванову ночь» обязанъ феямъ и эльфамъ, которые стали извѣстны въ европейской литературѣ уже съ того времени, когда средневѣковые романы пріобрѣли себѣ обширный кругъ читателей и почитателей; а въ англійской литературѣ феи и до Шекспира (у Чоусера), а при Шекспирѣ (у Спенсера, въ его *Fairy Queen*), и послѣ него играли довольно значительную роль. Но никто, ни до Шекспира, ни послѣ него, не сумѣлъ съ надлежащимъ искусствомъ приняться за богатый матеріалъ, представляемый кельтійскими и германскими преданіями о феяхъ и эльфахъ: одинъ Шекспиръ рѣшился вывести преданія эти на сцену во всей ихъ безыскусственной народной обстановкѣ, безъ всякихъ прикрасть, тонкостей и преувеличеній, хотя съ нѣкоторыми перемѣнами и добавленіями, которыя, однакоже, нисколько не повредили дѣлу, потому что относились собственно не къ сущности преданій, а къ ихъ постановкѣ на сценѣ. И, дѣйствительно, подчиняясь условіямъ сцены, феи и эльфы Шекспира нисколько не перестали быть народными, и это свойство ихъ выразилось преимущественно въ личности Пука; вѣрность его характера типу народныхъ преданій такъ

поразительно, что некоторые комментаторы и критики (между последними и Гервинусъ) принимали за источник Шекспирова знакомства съ Пукомъ весьма популярную въ семнадцатомъ столѣтіи книжку «Robin Goodfellow's mad pranks and merry jests», напечатанную, по однимъ извѣстіямъ, въ 1628, а по другимъ (по Кольеру) — въ 1588 году. Всякій, кто хоть немного знакомъ съ англійской народной поэзіей и преданіями, непременно долженъ взглянуть съ большимъ сомнѣніемъ на подобную гипотезу, потому что ужъ, конечно, не Шекспиру, послужившему неизсякаемымъ источникомъ цѣлой литературы популярныхъ книжекъ, не Шекспировой фантазіи приходилось заимствовать матеріалъ въ дюжинной книжкѣ для народнаго чтенія, въ родѣ всѣхъ нашихъ лубочныхъ изданій и перепечатокъ. И могъ ли онъ — въ полномъ смыслѣ челоуѣкъ своего народа — быть настолько незнакомымъ съ народными преданіями, чтобы для ближайшаго изученія ихъ прибѣгать къ какой бы то ни было мертвой буквѣ, а не къ живымъ воспоминаніямъ дѣтства и прямымъ отношеніямъ своимъ къ народу, котораго различные слои и классы, со всѣми ихъ понятіями, воззрѣніями и предразсудками, были ему извѣстны, очевидно, не изъ книгъ, а вслѣдствіе нагляднаго знакомства и долгихъ наблюденій надъ дѣйствительностью. Книжное начало выразилось въ этой пьесѣ Шекспира чрезвычайно страннымъ сплетеніемъ классическихъ именъ, преданій и мифологіи съ исконными повѣрьями англійскаго народа; связывая милыя плутни и шутки Оберона и Пука съ болѣе коварными продѣлками Купидона и Венеры, Шекспиръ отдавалъ лишь должную дань своему вѣку, проникнутому глубокимъ пристрастіемъ ко всему классическому. Здѣсь будетъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о тѣхъ намекахъ на живую современность, которые заключаются въ этой пьесѣ, какъ и въ большей части другихъ Шекспировскихъ пьесъ, тѣмъ болѣе, что здѣсь они особенно поражаютъ своею гениальною смѣлостью.

Во второй сценѣ второго дѣйствія Оберонъ даетъ наставленія Пуку, какъ отыскать необходимый ему цвѣтокъ, и говоритъ слѣдующее (приводимъ мѣсто цѣликомъ, потому что, какъ увидимъ далѣе, здѣсь важно каждое слово):

ОБЕРОНЪ (*обращаясь къ Пuku*). Ты помнишь,
Какъ я сидѣлъ однажды на окраинѣ мыса
И слушалъ морскую дѣву, которая на спинѣ дельфина
Пѣла такъ сладко и благозвучно,
Что бурное море стихало при ея пѣніи,
И нѣкоторыя звѣзды безумно стремились изъ своихъ сферъ,
Чтобы слышать музыку морской дѣвы?
Въ то же время увидѣлъ я (хоть ты бы и не могъ видѣть)
Летащаго между холодною луною и землею
Купидона въ полномъ вооруженіи; онъ цѣлился
Въ прекрасную весталку, которая правитъ на западѣ;
И быстро спустилъ онъ со своего лука любовную стрѣлу,
Какъ-будто собираясь пронзить сто тысячъ сердецъ;
Но мнѣ было видно, какъ огнистая стрѣла Купидона
Потухла въ чистыхъ лучахъ водянистой луны,
А царственная жрица прошла мимо,

Въ дѣвственныхъ размышленіяхъ, свободная отъ прихоти.
Однакоже я замѣтилъ, куда упала стрѣла Купидона:
Упала она на маленькій западный цвѣточекъ, -

307

*До того молочно-бѣлый, теперь же зардѣвшійся отъ любовной раны –
И дѣвушки зовутъ его «любовью отъ бездѣлья».*

Одинъ изъ членовъ Шекспировскаго общества, Гальпинъ, представилъ въ своей статьѣ, «Видѣнне Оберона», превосходное объясненіе этого мѣста, объясненіе тѣмъ болѣе важное, что оно служитъ подтвержденіемъ уже давно извѣстной истины: Шекспира нельзя оцѣнить вполнѣ и постигнуть сразу: - чѣмъ болѣе изучаютъ его, тѣмъ болѣе убѣждаются въ томъ, что каждое слово его можетъ служить драгоценнымъ источникомъ для ближайшаго знакомства съ исторіею его времени.

Уже и прежде всѣ соглашались, что подѣ весталкой, царствующей на Западѣ и недосыгаемой для стрѣлъ Купидона, должно разумѣть Елизавету, и во всемъ этомъ мѣстѣ слѣдуетъ видѣть тонкую лесть ей. Нечего уже и говорить объ эстетическомъ достоинствѣ этого мѣста: любопытно прослѣдить Гальпиново толкованіе подробностей всего эпизода, который послѣ такого объясненія долженъ невольно всякаго поразить тонкимъ и изящнымъ отгѣнкомъ сатиры на современность, сатиры, конечно, совершенно ясной въ Шекспирово время, но чуть было окончательно не потерявшей своего значенія для потомства.

Гальпинъ видитъ въ Купидонѣ, вооруженномъ съ головы до ногъ (all armed), намекъ на сватовство графа Лейстера за Елизавету и на тѣ празднества, которыя были имъ устроены въ Кенильвортѣ (1575) съ цѣлью облегченія этого сватовства. Изъ различныхъ описаній этихъ празднествъ (въ Gascoynes princely pleasures 1576 и Lonehamis letters 1575) извѣстно, что между прочими представленіями и фейверками, сопровождавшими ихъ, важную роль играла поющая сирена, которая плыла по водѣ на спинѣ дельфина и пѣла хвалебные гимны Елизаветѣ, между тѣмъ какъ около нея взлетали и лопались ракеты. Шекспиръ совершенно вѣрно передалъ эту подробность въ Обероновомъ монологѣ. Далѣе говоритъ онъ о томъ, какъ стрѣла отскочила отъ жрицы и упала на западный цвѣтокъ. Подѣ этимъ цвѣткомъ Гальпинъ разумѣетъ молодую графиню Эсексъ, съ которой Лейстеръ былъ въ тайной связи во время отсутствія ея мужа, находившагося въ это время въ Ирландіи; графа вскорѣ послѣ того извѣстили объ этой связи (въ 1576 году), и на обратномъ пути изъ Ирландіи, онъ былъ тайно умерщвленъ. Цвѣтокъ, до того молочно-бѣлый, невинный, зардѣлся отъ раны, нанесенной любовною стрѣлою, что должно обозначать или паденіе графини, или, можетъ-быть, намекать на насильственную смерть ея супруга, которая, конечно, стояла въ тѣсной связи съ ея любовными отношеніями къ графу Лейстеру. Имя тому цвѣтку — любовь въ праздности, любовь на досугъ, и это названіе, по мнѣнію Гальпина, должно

указывать на незанятость, праздность сердца графини въ отсутствіи ея супруга, а можетъ быть и на то, что самая связь Лейстера съ графиней Эссексъ была только развлеченіемъ для его досуга, потому что онъ въ то же время задумывалъ жениться на Елизаветѣ. Къ этому аллегорическому разсказу Оберонъ уже въ самомъ началѣ прибавляетъ, что *только онъ* могъ видѣть то, что онъ передаетъ Пуку, и этимъ самымъ какъ бы указываетъ, что Пукъ долженъ хранить въ тайнѣ все, сообщенное ему Оберономъ. Шекспиръ, по всѣмъ вѣроятіямъ, намекаетъ и здѣсь на то, что всѣ вышеизложенныя подробности, покрытыя для другихъ мракомъ неизвѣстности, могли быть извѣстны ему, такъ какъ онъ стоялъ въ тѣсныхъ дружескихъ отношеніяхъ съ семьею Эссексовъ и, кромѣ того, эти же обстоятельства были причиною гибели одного дальняго родственника Шекспира (Эдуарда Ардена), казненнаго въ 1583 году.

Такое точное истолкованіе одного небольшого аллегорическаго эпизода едва ли не столько же заставляетъ удивляться могуществу Шекспирова гения, какъ и любой эстетическій трактатъ, обращающій наше вниманіе на совершенство и законченность его типовъ, на безукоризненную чистоту его идеаловъ! Недостигаемо-высокимъ является поэтъ, который настолько же можетъ служить источникомъ высокихъ духовныхъ наслажденій для всѣхъ и каждаго, насколько и неистощимымъ матеріаломъ изученія для цѣлыхъ ученыхъ обществъ, избирающихъ его спеціальною цѣлью своихъ изысканій.

«Сонъ въ Иванову ночь» былъ переведенъ на русскій языкъ всего четыре раза:

1) Сонъ въ Ивановскую ночь. Шекспира. Переводъ И. Р. (Росковшенко). («Библіотека для Чтенія», 1841, т. XLV, № 4 отд. II, стр. 181—224.)

2) Сонъ въ Иванову ночь. Драма В. Шекспира, переводъ Н. Сатина. («Современникъ». 1851, т. XXIX, № 10, отд. 1, стр. 295—394.)

3) Сонъ въ Лѣтнюю ночь. Комедія Шекспира. Переводъ Аполлона Григорьева. («Библіотека для Чтенія», 1857, т. CXLIV, № 8, отд. 1, стр. 179—274.) Перепечатана въ «Драматическомъ Сборникѣ» (1860, № 4, отд. 1, стр. 1—96).

4) Сонъ въ лѣтнюю ночь. Шекспиръ въ переводѣ А. Л. Соколовскаго.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА

ТЕЗЕЙ, герцогъ Аѳинскій.

ЕГЕЙ, отецъ Герміи.

ЛИЗАНДЕР
ДЕМЕТРІЙ } влюбленные въ Гермію.

ФИЛОСТРАТЪ, завѣдывающій увеселеніями при дворѣ Тезея.

ПИГВА, плотникъ.

БУРАВЪ, столяръ.

ОСНОВА, ткачъ.

ФЛЕЙТА, продавецъ раздувальныхъ мѣховъ.
РЫЛО, мѣдникъ.
ВЫДРА, портной.
ИППОЛИТА, царица амазонокъ, невѣста Тезея.
ГЕРМИА, дочь Егея, влюбленная въ Лизандера.
ЕЛЕНА, влюбленная въ Деметрія.
ОБЕРОНЪ, царь эльфовъ.
ТИТАНІЯ, царица эльфовъ.
ПУКЪ, или РОБИНЪ, добрый духъ, эльфъ.
ДУШИСТЫЙ ГОРОШЕКЪ }

ПАУТИНКА } эльфы.
МОЛЬ }

ГОРЧИЧНОЕ ЗЕРНЫШКО }
ПИРАМЪ } лица интермедіи,
ӨИСБИ } разыгрываемой аѳинскими
СТѢНА } мастерами.
ЛУННЫЙ СВѢТЪ }
ЛЕВЪ }
ЭЛЬФЫ, покорные Оберону и Титаніи.

Придворные Тезея и Ипполиты.

Дѣйствіе происходитъ въ Аѳинахъ и въ окрестномъ лѣсу.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

Аѳины. Комната во дворцѣ Тезея.

Входятъ Тезей, Ипполита, Филостратъ и придворные.

ТЕЗЕЙ.

Теперь союзъ нашъ близокъ, Ипполита!
Четыре дня счастливые пройдутъ
И приведутъ съ собою новый мѣсяцъ.
Какъ тихо исчезаетъ старый мѣсяцъ!
Онъ медлитъ совершить мои желанья,
Какъ медлитъ мачиха или вдова
Наслѣдника несовершеннолѣтне
Провозгласить оконченнымъ, дабы
Не потерять наслѣдника доходовъ.

ИППОЛИТА.

Четыре дня въ ночахъ потонутъ быстро,
И быстро въ снахъ пройдутъ четыре ночи;
Тогда луна серебряной дугою,

Вновь перегнувшись въ темныхъ небесахъ,
Освѣтитъ ночь торжественную нашу.

ТЕЗЕЙ.

Мой Филостратъ, ступай и пригласи
Всѣхъ юношей аѳинскихъ забавляться.
Въ нихъ духъ живой веселья пробуди.
Для похоронъ пусть грусть они оставлятъ:
На праздникъ нѣтъ мѣста блѣдной гостьѣ!

(Филостратъ уходитъ.)

Я овладѣлъ тобою, Ипполита!
Моимъ мечомъ, враждой я пріобрѣлъ
Твою любовь; но бракъ нашъ совершится
Средь пышности, торжествъ и наслажденій.

Входятъ Егей, Гермія, Лизандеръ и Деметрій.

ЕГЕЙ.

Будь счастливъ вѣкъ, нашъ герцогъ знаменитый!

ТЕЗЕЙ.

Благодарю. Что новаго, Егей?

ЕГЕЙ.

Я съ жалобой на Гермію мою
Являюсь, исполненный печали.
Приблизься ты, Деметрій. Добрый герцогъ,
Вотъ человѣкъ, которому я далъ
Согласіе на Герміи жениться.
Приблизься ты, Лизандеръ! Государь,
А этотъ вотъ околдовалъ ей сердце.
Лизандеръ, да, ты ей давалъ стихи,
Ты съ дочерью моею обмѣнялся
Залогами любви; ты подъ окномъ ея
При мѣсячномъ сіяньи ей пѣвалъ
Притворно нѣжнымъ голосомъ слова,

Дышавшія притворною любовью;
Ты голову вскружилъ ей разнымъ вздоромъ:
Браслетами изъ собственныхъ волосъ,
Колечками, бездѣлками, сладостями,
Игрушками, букетами, цвѣтами -
Посланниками тѣми, что всегда

Надъ юностью неопытной всеильны;
Ты хитростью у дочери моей
Похитилъ сердце - и повиновенье,
Которымъ мнѣ обязана она,
Ты измѣнилъ въ настойчивость, въ упрямство.
Мой государь, когда руки и слова
Она не дастъ Деметрію при васъ,
То я прошу васъ предоставить мнѣ
Старинное аѳинянина право.
Она моя, и я ея судьбою
Располагать могу. Пускай она
Здѣсь изберетъ Деметрія иль смерть,
Которую при случаѣ подобномъ
Немедля произносить нашъ законъ.

ТЕЗЕЙ.

Ну, Гермія, что скажешь? Разсуди:
Тебѣ отецъ твой богомъ долженъ быть.
Онъ красоты твоей творецъ, и для него
Ты то же, что фигура восковая,
Которая имъ вылита. Имѣетъ
Онъ право полное - и уничтожить,
И довершить созданіе свое.
Деметрій, вѣдь, достойный человѣкъ?

ГЕРМІА.

Не то же ль и Лизандеръ?

ТЕЗЕЙ.

Точно,
Но такъ какъ онъ родителя согласья
На вашъ союзъ лишень, то ты должна
Предпочитать Деметрія.

ГЕРМІА.

О, если бъ
Мои глаза отцу могла я дать,
Чтобъ онъ глядѣлъ, какъ я!

ТЕЗЕЙ.

Скорѣй же ты
Должна глядѣть его благоразумьемъ.

ГЕРМІА.

Я васъ прошу: простите, государь!
Не знаю я, откуда эта смѣлость;
И, можетъ-быть, я скромность оскорблю,

Что чувствую, высказывая здѣсь;
Но я молю сказать мнѣ, ваша свѣтлость,
Что худшаго въ грядущемъ ждетъ меня,
Когда женой Дементрія не буду?

ТЕЗЕЙ.

Отъ общества навѣки отлученье
Иль избрать тогда должна смерть ты будешь.
Итакъ извѣдай, Гермія, себя;
Подумай, какъ ты молода, пылка;
Подумай и о томъ, что если ты
Откажешься отцу повиноваться,
То ты должна навѣкъ оставить свѣтъ
И навсегда бесплодною остаться,
Чтобъ гимны пѣть къ безчувственной лунѣ.
Тѣ трижды счастливы, въ комъ столько силы,
Чтобъ, обуздавъ себя, свершить спокойно
Путь дѣвственный; но роза на землѣ
Счастливей, когда она цвѣтетъ
И не таитъ свое благоуханье;
Счастливей, повѣрь мнѣ, розы той,
Которая на стеблѣ тихо вянетъ,
Растетъ, живетъ, и принимаетъ смерть -
И все одна, все въ одинокомъ счастьѣ.

ГЕРМІА.

Такъ я расти и жить, и умереть
Хочу одна, скорѣй чѣмъ соглашуся
Я дѣвственность мою отдать тому,
Чью власть душа всей силой отвергаетъ.

ТЕЗЕЙ.

Подумай хорошенько, но когда
Настанетъ новолунье, - въ этотъ день
Соединюсь навѣкъ я съ Ипполитой -
Тогда и ты готова быть должна
Иль умереть за неповиновенье,
Иль сдѣлать то, что хочетъ твой отецъ,
Иль принести на алтарѣ Діаны
Святой обѣтъ провести всю жизнь свою
И строгою, и одинокой дѣвой.

ДЕМЕНТРІЙ.

О, согласись же, Гермія! Лизандеръ,
Ничтожныя претензіи свои
Ты долженъ уступить моимъ правамъ,
Столь неоспоримымъ.

ЛИЗАНДЕРЪ.

Любовь отца
Имѣешь ты, Деметрій, такъ оставь же
Мнѣ Гермію, а самъ - возьми его.

ЕГЕЙ.

О, дерзкій! Да, любовію моею
Владѣть онъ - и все, что въ ней мое,
Моя любовь отдастъ ему навѣки.
Она моя, и всѣ мои права
Надъ нею я Деметрію вручаю.

ЛИЗАНДЕРЪ.

Но, государь, не такъ же ли, какъ онъ
И я богатъ, и знаменитъ рожденіемъ?
Моя любовь сильнѣй его любви,
И въ обществѣ, въ малѣйшихъ отношеніяхъ,
Деметрію я равенъ; можетъ-быть,
Деметрія я превышаю даже;
А сверхъ того, чѣмъ можетъ онъ хвалиться?
Я Герміей прекрасною любимъ:
Зачѣмъ же я права мои оставляю?
Деметрій... Да, я объявляю при немъ:
Онъ дочери Надара предложилъ
Свою любовь; съ тѣхъ поръ душой Елены

310

Онъ овладѣлъ, и добрая Елена
Ему вполнѣ, всѣмъ сердцемъ предана:
Боготворитъ невѣрнаго она.

ТЕЗЕЙ.

Я признаюсь, дошли такіе жъ слухи
И до мѣня, и я намѣревался
Съ Деметріемъ объ этомъ говорить;
Но я забылъ: я самъ былъ озабоченъ.
Иди за мной, Деметрій; и Егей
Иди за мной: мнѣ нужно вамъ обоимъ
Дать нѣсколько особыхъ указаній.
Ты, Гермія прекрасная, готовься
Согласовать желанія свои
Съ желаніемъ родителя; иначе
Законъ Аѳинъ, который измѣнить
Не можемъ мы, произнесетъ свой судъ

И обречеть тебя на заточенье
Или на смерть. Пойдемъ-ка, Ипполита!
Что, милая, какъ чувствуешь себя?
Деметрій и Егей, за мной идите:
Я долженъ къ вашей помощи прибѣгнуть,
Чтобъ нужное все изготовить къ свадьбѣ.
Поговоримъ мы также кой-о-чемъ,
Что, собственно, касается до васъ.

ЕГЕЙ.

Мы слѣдуемъ по долгу и желанью.

(Тезей, Ипполита, Егей, Деметрій и свита уходятъ.)

ЛИЗАНДЕРЪ.

Ну, что съ тобой, другъ милый? Отчего
Ты такъ блѣдна, и помертвѣли розы
Твоихъ ланить?

ГЕРМІА.

Конечно, оттого,
Что нѣтъ дождя; но буря глазъ моихъ
Легко замѣнить этотъ недостатокъ.

ЛИЗАНДЕРЪ.

Мнѣ никогда не удалось прочесть
Иль услыхать въ исторіи, въ разсказѣ,
Чтобъ гдѣ-нибудь путь истинной любви
Былъ совершенъ спокойно. То ему
Происхожденія разница мѣшаетъ.

ГЕРМІА.

Несчастіе, когда высокій родомъ
Влюбляется въ простую дѣву!

ЛИЗАНДЕРЪ.

То
Различье лѣтъ...

ГЕРМІА.

Какое наказанье,
Когда скуютъ со старостію юность!

ЛИЗАНДЕРЪ.

А иногда спокойствіе зависитъ
Отъ выбора родныхъ...

ГЕРМІА.

О, это адъ,
Когда должны мы выбирать не сами
Предметъ любви!

ЛИЗАНДЕРЪ.

А если выборъ ихъ
Съ влеченіемъ душъ любящихъ согласенъ,
Тогда война, болѣзни или смерть
Ихъ счастію ужъ вѣрно помѣшаютъ.
И такъ - любовь мгновенна, будто звукъ;
Кратка, какъ сонъ; какъ призракъ, преходяща;
Какъ молнія среди глубокой ночи,
Она быстра - блеснетъ и озаритъ
Предъ взорами и небеса, и землю,
Но прежде чѣмъ успѣетъ человѣкъ
Сказать: «смотри», ужъ снова бездны мрака
Все поглотятъ. Такъ быстро на землѣ
Все свѣтлое въ хаосѣ исчезаетъ!

ГЕРМІА.

Но ежели для истинной любви
Страданіе всегда необходимо,
То, видно, ужъ таковъ законъ судьбы.
Научимся сносить его съ терпѣньемъ;
Страданія нельзя намъ избѣжать:
Оно принадлежитъ любви, какъ вздохи,
Мечты и сны, желанія и слезы,
Всегдашніе товарищи влюбленныхъ!

ЛИЗАНДЕРЪ.

Прекрасна эта вѣра; но теперь
Не то! Послушай, у меня есть тетка,
Богатая, бездѣтная вдова -
Она живетъ отсюда миляхъ въ трехъ -
И ею я любимъ, какъ сынъ родной.
Тамъ, Гермія, мы можемъ обвѣнчаться,
Гдѣ не настигнетъ насъ законъ Аѳинъ.
Когда меня ты любишь, завтра ночью
Тихонько домъ родительскій оставь,
И тамъ, въ лѣсу, который только въ милѣ
Отъ города, гдѣ встрѣтилъ я тебя
Съ Еленою однажды майскимъ утромъ,
Когда вы съ ней обряды совершали,
Я буду ждать.

ГЕРМІА.

О, добрый мой Лизандеръ,

Клянусь крѣпчайшимъ лукомъ Купидона
И лучшей, золотой его стрѣлой,
И кротостью Венериныхъ голубокъ!
Клянуся тѣмъ, что связываетъ души
И дѣлаетъ счастливою любовь!
Клянусь огнемъ, который жегъ Дидону,
Когда троянецъ лживый уплывалъ!
Клянусь тебѣ, Лизандеръ, всею тьмою
Мужчинами нарушенныхъ обѣтовъ,
Которые ужъ вѣрно превзойдутъ
Своимъ числомъ всѣ женскіе обѣты -
Я буду тамъ, гдѣ ты назначилъ мнѣ!

ЛИЗАНДЕРЪ.

О, милый другъ, сдержи же обѣщанье!
Смотри, сюда Елена къ намъ идетъ,

311

Входитъ ЕЛЕНА.

ГЕРМІА.

Будь счастлива, прекрасная Елена!
Куда идешь?

ЕЛЕНА.

Прекрасная? Увы!
Возьми назадъ, возьми свое названье!
О, красоту твою Деметрій любить,
Счастливая! Да, для него горятъ
Твои глаза полярною звѣздою,
И голосъ твой пріятный для него
Пріятнѣе, чѣмъ жаворонка пѣнье
Для пастуха, когда кругомъ поля
Зеленою пшеницею покрыты,
А посреди боярышникъ въ цвѣту.
Прилипчивы болѣзни - для чего бы
И красотѣ прилипчивой не быть?
Пока я здѣсь, могла бъ я заразиться,
О, Гермія прекрасная, тобой!
Мой жадный слухъ запомнилъ бы твой голосъ,
Мои глаза усвоили бъ твой взоръ;
Мои слова прониклись бы, быть-можетъ,
Мелодіей твоихъ пріятныхъ словъ;
Когда бъ весь свѣтъ моимъ былъ достояньемъ,
Деметрія себѣ оставивъ, міръ

Я бѣ отдала, чтобѣ только быть тобою.
О, научи меня глядѣть, какъ ты!
Скажи, какимъ ты способомъ владѣешь
Демеріемъ и мыслями его?

ГЕРМІА.

Я хмурюся, а онъ меня все любить.

ЕЛЕНА.

О, если бѣ хмуренье твое могло
Такую жѣ силу дать моей улыбкѣ!

ГЕРМІА.

Я съ нимъ бранюсь, а онъ мнѣ говоритъ
Слова любви.

ЕЛЕНА.

Когда бѣ мои молитвы
Могли любовь въ немъ такъ же пробудить!

ГЕРМІА.

И чѣмъ сильнѣй его я ненавижу,
Тѣмъ онъ сильнѣй преслѣдуетъ меня.

ЕЛЕНА.

Меня же онъ тѣмъ больше ненавидитъ,
Чѣмъ болѣе я предаюсь ему.

ГЕРМІА.

Въ его безумствѣ я невиновата.

ЕЛЕНА.

Нѣтъ, красота твоя виновна въ томъ.
О, если бѣ и моя такъ провинилась!

ГЕРМІА.

Утѣшься, онъ меня ужъ не увидитъ:
Рѣшилась я съ Лизандеромъ бѣжать.
До той поры, пока я не видала
Лизандера, Аѳины были рай!
Теперь мой рай – увы - преобразился
Въ жестокий адъ могуществомъ любви!

ЛИЗАНДЕРЪ.

Елена, мы откроемъ наши души
Передъ тобою. Завтра ночью мы,
Когда луна свой образъ серебристый

На лонѣ водѣ зеркальныхъ отразить
И уберетъ всѣ травки влажнымъ перломъ,
Въ тотъ самый часъ, который укрываетъ
Въ своей тиши любовниковъ побѣгъ,
Рѣшились Аѳины мы оставить.

Г Е Р М І А .

И въ томъ лѣсу, въ которомъ мы съ тобою
Такъ часто, отдыхая на цвѣтахъ,
Свои мечты другъ другу изливали,
Сойдуся я съ Лизандеромъ моимъ;
Тамъ отъ Аѳинъ мы взоры отвратимъ,
Чтобъ вновь друзей искать въ странѣ чужой.
Прощай, моя подруга; помолися
За насъ двоихъ. Пусть счастье вручить
Твоей любви Дементрія! Лизандеръ,
Не позабудь обѣщанное слово:
До завтрашней полуночи должны
Лишить себя мы сладкаго свиданья,
Которое - какъ пища для влюбленныхъ!

(Уходитъ.)

Л И З А Н Д Е Р Ъ .

Я буду тамъ. Прощайте же, Елена.
Пускай Дементрій вамъ принадлежитъ,
Какъ вы ему теперь принадлежите.

(Уходитъ.)

Е Л Е Н А .

Какъ счастье неровно въ этомъ мірѣ!
Красавицей такой же, какъ она,
Въ Аѳинахъ я слышу; но что въ томъ пользы?
Дементрій думаетъ не такъ: не хочетъ
Признать меня, чѣмъ признана я всѣми.
Но, кажется, мы оба въ заблужденіи:
Онъ въ Гермію влюбился до безумья,
А я въ его достоинства. Такъ что жъ?
Вѣдь, для любви все низкое, пустое
Въ достойное легко пересоздать:
Любовь душой, а не глазами смотреть.
И оттого крылатый Купидонъ
Представленъ намъ слѣпымъ и безразсуднымъ.
Быть съ крыльями и быть лишеннымъ глазъ -
Поспѣшности немыслищей эмблема!
Любовь зовутъ ребенкомъ оттого,
Что въ выборъ своемъ она нерѣдко

Обманута бываетъ, какъ дитя.
Видала я, какъ вѣтренныя дѣти
Среди игры другъ другу обѣщаній
Вдругъ надають и вдругъ измѣнять имъ.
Дитя-любовь, какъ и другія дѣти,
При случаѣ, готова взять назадъ
Всѣ данныя недавно обѣщанья.
Пока еще Деметрій не видалъ

312

Глазъ Герміи, онъ градомъ клятвъ мнѣ клялся,
Что онъ одной лишь мнѣ принадлежитъ;
Но этотъ градъ предъ Герміей растаялъ
И клятвеннымъ дождемъ на землю палъ.
Я Герміи побѣгъ ему открою:
Ужъ вѣрно въ ночь преслѣдовать ее
Онъ пустится, и если благодарность
Я отъ него за это получу,
То дорого онъ мнѣ заплатитъ ею.
Да, тамъ его увидѣтъ и потомъ
Въ Аѳины вновь печально возвратиться -
Достаточно награды этой мнѣ!

(Уходитъ.)

СЦЕНА II.

Аѳины. Внутренность хижины.

Входятъ БУРАВЪ, ФЛЕЙТА, РЫЛО, ПИГВА и ВЫДРА.

ПИГВА. Все ли наше общество здѣсь?

ОСНОВА. Лучше бы вы перекликали насъ всѣхъ одного за другимъ, по тому порядку, какъ мы записаны.

ПИГВА. Вотъ списокъ именъ всѣхъ тѣхъ людей, которые найдены способными и избраны изъ всѣхъ аѳинянъ, чтобы исполнить нашу интермедію предъ герцогомъ и герцогинею, въ первую ночь ихъ супружества.

ОСНОВА. Во-первыхъ, любезный Питеръ Пигва, скажите намъ, въ чемъ состоитъ наша пьеса? потомъ прочтите имена актеровъ. Приступайте къ дѣлу.

ПИГВА. Ладно! Наша пьеса: «Плачевная комедія и жесточайшая смерть Пирама и Ѡисби».

ОСНОВА. Славная шутка! увѣряю васъ, превеселая! Теперь, любезный Питеръ Пигва, вызывайте впередъ вашихъ актеровъ, по списку. Господа, развернитесь въ линію.

ПИГВА. Отвѣчайте по вызову. Никъ Основа, ткачъ!

ОСНОВА. Налицо! Назначьте мою роль въ пьесѣ и продолжайте.

ПИГВА. Вы, Никъ Основа, возьмите на себя роль Пирама.

ОСНОВА. Что такое Пирамъ? любовникъ или тиранъ?

ПИГВА. Любовникъ, который преблагогородно убиваетъ себя за свою возлюбленную.

ОСНОВА. Надо будетъ пролить нѣсколько слезъ, чтобъ исполнить роль, какъ слѣдуетъ. Если я буду играть эту роль, то берегите ваши глаза, господа слушатели! Я подниму бурю и, нѣкоторымъ образомъ, стонъ! Ну, къ другимъ! Однако, я особенно превосходенъ въ роляхъ тирановъ; я бы отмѣнно сыгралъ роль Еркулеса или роль, въ которой бы пришлось бѣсноваться и все посылать къ чорту. (Декламируя.)

«Съ трепетомъ, съ трескомъ, утесы толкаясь,

«Тюрьмы уничтожать запоры!

«А Ёибъ, въ колесницѣ своей приближаясь,

«Судьбы измѣнить приговоры!»

Вотъ истинно превосходно! Ну, назначайте остальныхъ актеровъ. Это совершенно въ духъ Еркулеса, въ духъ тирана; любовники говорятъ плаксивѣе.

ПИГВА. Франсисъ Флейта, продавецъ раздувальныхъ мѣховъ.

ФЛЕЙТА. Здѣсь, Питеръ Пигва.

ПИГВА. Вы должны взять на себя роль Ёисби.

ФЛЕЙТА. Что такое Ёисби? странствующій рыцарь?

ПИГВА. Это дама, въ которую влюбленъ Пирамъ.

ФЛЕЙТА. Нѣтъ, чортъ возьми, я не хочу играть роль женщины: у меня пробивается борода.

ПИГВА. Это ничего не значить. Вы будете играть эту роль въ маскѣ и говорить такимъ тоненькимъ голоскомъ, какимъ вамъ будетъ угодно.

ОСНОВА. Если я могу спрятать мое лицо подъ маску, то дайте мнѣ играть роль Ёисби. Я буду говорить чертовски тоненькимъ голоскомъ: «Ёисби, Ёисби! - Ахъ, Пирамъ! мой дорогой, мой возлюбленный! - Твоя дорогая Ёисби, твоя дорогая возлюбленная!»

ПИГВА. Нѣтъ-нѣтъ! вы должны исполнять роль Пирама, а вы, Флейта, Ёисби.

ОСНОВА. Хорошо; продолжайте.

ПИГВА. Робинъ Выдра, портной!

ВЫДРА. Здѣсь, Питеръ Пигва.

ПИГВА. Робинъ Выдра, вы возьмете на себя роль матери Ёисби. - Томасъ Рыло, мѣдникъ!

РЫЛО. Здѣсь, Питеръ Пигва.

ПИГВА. Вы - роль Пирамова отца. Самъ я буду играть отца Ёисби. Буравъ, столяръ, вы будете представлять льва. Надѣюсь, теперь всѣ роли розданы.

БУРАВЪ. Написана ли у васъ роль льва? Пожалуйста, ежели она написана, дайте мнѣ ее, а то я учу ужасно тупо.

ПИГВА. Нѣтъ, вы можете исполнить вашу роль наобумъ: вамъ надо будетъ только рычать.

ОСНОВА. Позвольте мнѣ взять на себя роль льва. Я буду такъ рычать, что всѣмъ слушателямъ будетъ любо меня слушать; я буду такъ рычать, что заставлю герцога

313

сказать: *«пусть его порычитъ еще, пусть его еще порычитъ!»*

ПИГВА. Если вы будете рычать слишкомъ страшно, то испугаете герцогиню и дамъ: вы - рычать, а онѣ - кричать; а этого достаточно, чтобы насъ повѣсили.

ВСѢ. Да, этого достаточно, чтобы насъ всѣхъ перевѣшали!

ОСНОВА. Я согласенъ съ вами, друзья, что если мы испугаемъ дамъ до того, что онѣ лишатся чувствъ, то, пожалуй, могутъ заставить насъ повѣситься; но я только до такой степени возвышу мой голосъ, что буду рычать, какъ милая молодая голубка. Я просто буду рычать, какъ соловей.

ПИГВА. Вамъ нельзя взять на себя другой роли, кромѣ роли Пирама. Для Пирама нуженъ человѣкъ съ пріятною наружностью, красивый мужчина, какого только можно себя представить, въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ. Для этой роли нуженъ самый любезный человѣкъ. А потому вы непременно должны исполнить роль Пирама.

ОСНОВА. Ладно, я беру на себя эту роль. Какую бороду я преимущественно возьму для этой роли?

ПИГВА. О, какую хотите.

ОСНОВА. Я привяжу себя или бороду соломеннаго цвѣта, или бороду оранжево-дубоваго цвѣта, или бороду пурпурно-малиноваго цвѣта, или бороду цвѣта французской короны - ярко-желтаго цвѣта.

ПИГВА. У нѣкоторыхъ французскихъ головъ совершенно нѣтъ волосъ, а потому вамъ пришлось бы играть безъ бороды. Однако, господа, вотъ ваши роли; я васъ прошу, я васъ умоляю, и вмѣстѣ желаю, чтобы вы выучили ихъ къ завтрашней ночи. Мы соберемся всѣ въ дворцовомъ лѣсу, который въ одной милѣ отъ города, и тамъ, при лунномъ свѣтѣ, сдѣлаемъ репетицію. Если мы соберемся въ городѣ, то толпа послѣдуетъ за нами и разболтаетъ о нашихъ намѣреніяхъ. А между тѣмъ я составлю списокъ нѣкоторымъ вещамъ, необходимымъ для нашего представленія. Прошу васъ, не обманите меня: приходите.

ОСНОВА. Мы будемъ непременно. Тамъ мы можемъ сдѣлать нашу репетицію съ большею свободою и съ большею бодростью. Постарайтесь, господа! Отличитесь! Прощайте!

ПИГВА. Мы соберемся у герцогова дуба.

ОСНОВА. Довольно! Хоть тресни, а приходи!

(Всѣ уходятъ.)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

Лѣсъ въ окрестностяхъ Аѳинъ.

Входятъ съ одной стороны ЭЛЬФА, а съ другой ПУКЪ.

ПУКЪ.

Что новаго? Куда несешься, Эльфа?

ЭЛЬФА.

Надъ горами, надъ долами,
Сквозь лѣсную глубину,
Надъ оградой, надъ стѣнами,
Сквозь огонь и сквозь волну -
Мнѣ повсюду путь нетрудный.
Я ношусь быстрѣй луны,
Я служу царицѣ чудной
Въ часъ полночной тишины!
Я волшебные кружечки
Поливаю для нея.
Видишь буквицъ на лужечкѣ?
То питомицы ея;
Видишь пятна расписныя
На одеждахъ ихъ златыхъ?
То рубины дорогіе -
Даръ волшебницъ молодыхъ.
Въ нихъ тайникъ благоуханья,
Въ нихъ вся роскошь ихъ красы.
Я несусь для собиранья
Капель утренней росы;
Я повѣсить въ серединкѣ
Каждой буквицы хочу
По жемчужинкѣ-росинкѣ.
Ну, прощай, духъ, я лечу!
Скоро праздникъ здѣсь начнется
Для царицы молодой,
И съ царицей принесется
Легкихъ эльфовъ цѣлый рой!

ПУКЪ.

И у царя здѣсь праздникъ нынче ночью.
Царицу ты свою предупреди,
Чтобы отнюдь она съ нимъ не встрѣчалась:
Онъ на нея ужасно разсерженъ
За то, что есть у ней прелестный мальчикъ,
Похищенный недавно у царя
Индійскаго. Царица не имѣла
Прелестнѣе ребенка никогда.
Нашъ Оберонъ завистливый желаетъ

Его, во что бѣ ни стало, въ свиту взять,
Чтобѣ обѣгать съ нимѣ вмѣстѣ глушь лѣсную;
А между тѣмѣ ребенка дорогого
Не хочется царицѣ уступить.
Она его цвѣтами убираетъ
И въ немѣ одномѣ всю радость полагаетъ.
Теперь, когда встрѣчаются они
Или въ лѣсу, иль на травѣ зеленой,

314

Иль у ручья, при блескѣ чудныхъ звѣздъ,
То ссориться такъ сильно начинаютъ,
Что эльфы ихъ отъ страха убѣгаютъ
И прячутся, бѣдняжки, поскорѣй
Подъ чашечки упавшихъ желудей.

Э л ь ф а .

Наружностью твоей и обращеньемъ,
Быть можетъ и обманываюсь я,
Но, кажется, ты точно духъ лукавый,
По имени Робинъ, иль Добрый Другъ.
Не ты ль дѣвицъ пугаешь деревенскихъ?
То сливочки снимаешь съ молока,
То мельницы ручныя ихъ ломаешь,
То не даешь хозяйкѣ масла сбить,
То не даешь закиснуть ихъ напиткамъ?
Не ты ль съ пути сбиваешь пѣшеходовъ
И тѣшишься ихъ страхомъ и досадой?
Но кто тебя зоветъ любезнымъ Пукомъ,
Тѣмъ счастье приносишь ты съ собой,
И самъ за нихъ работы исполняешь.
Не ты ли, Пукъ?

П у к ъ .

Такъ точно, ты узнала:
Я точно тотъ веселый духъ ночей
И вмѣстѣ шутъ придворный Оберона.
Нерѣдко онъ смѣется надо мной,
Когда начну я ржать, какъ кобылица,
И голосомъ обманывать коня,
Который жиръ себѣ наѣлъ бобами.
Я иногда, рѣзвяся, принимаю
Видъ яблока печенаго, и съ нимъ
Я къ кумушкѣ тихонько прячусь въ чашку;

И только лишь кума начнетъ хлебать,
Я въ губы ей толкаюсь и пьемъ
Изношенный передникъ обливаю.
А иногда для тетушки степенной,
Когда она рассказывать начнетъ
Исторію, исполненную слезъ,
Я, сдѣлавшись трехногимъ, гладкимъ стуломъ,
Изъ подъ нея выскакиваю вонъ -
И тетушка летитъ въ припадкѣ кашля,
И цѣлый хоръ, поджавъ себѣ бока,
Хохочетъ, и чихаетъ, и клянется,
Что никогда не веселился онъ
Такъ истинно, какъ въ этотъ часъ паденья.
Тс! Оберонъ, мой царь, сюда идетъ!

ЭЛЬФА.

А вотъ моя царица! Хорошо бы,
Когда бъ твой царь ушелъ скорѣй отсюда.

Входятъ ОБЕРОНЪ со свитой съ одной стороны, а ТИТАНІА со своей свитой - съ другой.

ОБЕРОНЪ.

Зачѣмъ я здѣсь, при мѣсячномъ сіяньи
Надменную Титанію встрѣчаю?

ТИТАНІА.

А, это ты, ревнивецъ Оберонъ!
Идемте, эльфы: я, вѣдь, поклялась
Съ нимъ не дѣлить ни общества, ни ложа.

ОБЕРОНЪ.

Остановись, преступная жена:
Не я ль твой мужъ?

ТИТАНІА.

А я тебѣ жена!
О, знаю я, ты часто покидаешь
Исподтишка волшебную страну
И въ образѣ влюбленнаго Корина
Проводишь дни, съ свирѣлію въ рукахъ,
У ногъ своей возлюбленной Фелиды,
И ей поешь любовь свою въ стихахъ!
Ты для чего изъ дальнихъ странъ индійскихъ
Явился здѣсь? Ужъ вѣрно для того,
Что съ дерзкою, въ сапожкахъ, амазонкой,
Съ воинственной любимицей твоей,
Готовится Тезей соединиться -

И ложу ихъ пришелъ ты даровать
И счастье, и радость безъ конца.

ОБЕРОНЪ.

Титаніа, тебѣ ли упрекать
За то, что я привязанъ къ Ипполитѣ?
Извѣстна мнѣ къ Тезею страсть твоя:
При блѣдномъ звѣздѣ сіяніи не ты ли
Похитила его у Перигены,
Которую онъ обольстил? Не ты ль
Заставила его забыть всѣ клятвы,
Которыя давалъ онъ Аріаднѣ,
Аглаѣ и прекрасной Антиопѣ?

ТИТАНІА.

Ты въ ревности все это изобрѣлъ.
Какъ перешло за половину лѣто,
Ни разу намъ собраться не случилось
Въ лѣсу, въ лугахъ, въ долинѣ, на горѣ,
Иль при ручьѣ, убранномъ тростниками,
Иль на краю приморскихъ береговъ,
Чтобы плясать подъ свистъ и говоръ вѣтра
И составлять кружечки, безъ того,
Чтобъ ты своимъ неутомнымъ крикомъ
Не помѣшалъ веселью нашихъ игръ.
И вѣтры, намъ какъ будто отомщая,
За то, что тщетно пѣсни намъ поютъ,
Всѣ принялись высасывать изъ моря
Зловредные туманы и пары,
Туманами покрыли всѣ равнины
И вздули такъ ничтожныя рѣченки,
Что ихъ сдержать не могутъ берега.
Съ тѣхъ поръ, какъ мы поссорились съ тобою,
Напрасно волъ впрягается въ ярмо,
Напрасно трудъ свой тратитъ земледѣлецъ:
Зеленая пшеница вся сгнила,
Хотя еще пушкомъ не покрывалась;
Отъ падежа вороны разжирѣли,
И на поляхъ затопленныхъ стоятъ
Забытые, пустынные загоны,
Иль заволокъ слѣды веселыхъ игръ,

И на лугу играющихъ не видно.

Съ тѣхъ поръ зима людей не услаждаетъ,
И пѣнія не слышно по ночамъ.
Зато луна, властительница водъ,
Блѣднѣя отъ досады, напоила
Туманами и сыростью весь воздухъ
И насморки въ избытокъ зародила.
Всѣ времена съ тѣхъ поръ перемѣшались:
То падаетъ бѣлоголовый иней
Въ объятія едва расцвѣтшей розы;
То, будто бы въ насмѣшку, лѣто вьетъ
Гирлянды изъ распуколокъ, и ими
Чело зимы, увѣнчанное льдомъ,
И бороду старушки украшаетъ.
Суровая зима, весна и лѣто
И осень плодovitая мѣняють
Обычныя ливреи межъ собой;
Не узнаетъ время мѣръ удивленный -
И это все надѣлалъ нашъ раздоръ,
И мы всему причина и начало!

ОБЕРОНЪ.

Исправить все зависитъ отъ тебя.
Титанія, зачѣмъ противорѣчить?
Я лишь прошу мнѣ уступить ребенка
Въ мои пажи.

ТИТАНІА.

Ты можешь быть покоенъ -
Я всей страны волшебной не возьму
За этого ребенка. Мать его
Была моею жрицей. Сколько разъ
Во тѣмъ ночей индійскихъ, ароматныхъ
Она моей спутницей бывала!
На золотыхъ нептуновыхъ пескахъ
Любили мы сидѣть и наблюдать,
Какъ по волнамъ купеческія судна
Несутся въ даль. О, какъ смѣялись мы,
Любуясь, какъ вѣтеръ шаловливый
Ихъ паруса натягивалъ - и тѣ
Вздывались вдругъ огромнымъ животомъ.
Тогда моя несчастная подруга
Беременна была моимъ пажомъ
И съ ловкостью, бывало, подражала,
По воздуху летая, парусамъ,
Беременнымъ отъ вѣтра. Надъ землею,
Какъ по волнамъ, наплававшись, она

Неслась назадъ съ какой-нибудь бездѣлкой
И мнѣ ее вручала, говоря,
Что нашъ корабль съ своимъ богатымъ грузомъ
Пришелъ назадъ изъ дальняго пути.
Но смертная была моя подруга
И умерла, доставивъ сыну жизнь.
Любя ее, я сына воспитаю;
Любя ее, я не разстанусь съ нимъ.

ОБЕРОНЪ.

Ты долго здѣсь намѣрена остаться?

ТИТАНІА.

Я, можетъ быть, пробуду здѣсь день свадьбы.
Не хочешь ли спокойно поплясать
Средь нашихъ хороводовъ, иль взглянуть
На праздникъ нашъ, при мѣсячномъ сіяньи?
Пойдемъ, не то - оставь насъ: обойдемся
И безъ тебя.

ОБЕРОНЪ.

Ребенка мнѣ отдай -
И я готовъ тогда итти съ тобою.

ТИТАНІА.

За всѣ твои владѣнья не отдамъ!
Пока я здѣсь, мы будемъ лишь браниться.
Пойдемте, эльфы, прочь отсюда!

(Титанія и ея свита уходятъ.)

ОБЕРОНЪ.

Ну, хорошо иди своимъ путемъ;
Но я тебя не выпущу изъ лѣса,
Пока твоихъ обидъ не отомщу.
Мой милый Пукъ, поди сюда скорѣе!
Ты помнишь ли, однажды тамъ сидѣлъ
Я на мысу и слушалъ, какъ сирена,
Несомая дельфиномъ на хребтѣ,
Такъ хорошо, такъ сладко распѣвала,
Что пѣснь ея смирила ярость волнъ
И звѣздочки со сферъ своихъ сбѣгали,
Чтобъ музыку сирены услыхать?

ПУКЪ.

Да, помню.

ОБЕРОНЪ.

Ну, въ то самое мгновенье
Я увидалъ - но видѣть ты не могъ -
Что Купидонъ во всемъ вооруженьи
Летѣлъ межъ хладною луною и землей
И цѣлился въ прекрасную весталку,
Которая на западѣ царить.
Вдругъ онъ въ нее спустилъ стрѣлу изъ лука
Такъ сильно, что какъ будто былъ намѣренъ
Онъ не одно, а тысячъ сто сердецъ
Пронзить одной пылающей стрѣлою.
И что жъ? Стрѣла, попавши въ хладный мѣсяцъ,
Потухла тамъ отъ дѣвственныхъ лучей.
И видѣлъ я, какъ царственная дѣва
Свободная пошла своимъ путемъ
И въ чистыя вновь погрузилась думы.
Однако я замѣтилъ, что стрѣла
На западный цвѣтокъ, кружась, упала.
Онъ прежде былъ такъ бѣлъ, какъ молоко,
Но, раненый любовію, отъ раны
Онъ сдѣлался пурпурнымъ. Всѣ дѣвицы
Любовью въ праздности его зовутъ.
Поди, найди цвѣточекъ - я тебѣ
Его траву показывалъ однажды.
Чѣихъ вѣкъ, смеженныхъ сладкимъ сновидѣньемъ,
Коснется сокъ, добытый изъ него,
Тотъ влюбится, проснувшись, до безумья
Въ то первое живое существо,
Которое глазамъ его предстанетъ.

316

Поди, найди растение и опять
Явись сюда скорѣе, чѣмъ успѣетъ
Левіаѳанъ проплыть не больше мили.

П у к ъ .

Достаточно мнѣ сорока минутъ,
Чтобы кругомъ всю землю опоясать.

(Уходитъ.)

О Б Е Р О Н ъ .

Съ моимъ цвѣткомъ волшебнымъ я подкрадусь
Къ Титаніи, когда она уснетъ,
И ей въ глаза пущу немного соку.

Онъ сдѣлаетъ, что первый, кто предстанетъ
Ея глазамъ - будь онъ медвѣдь, иль левъ,
Иль воинъ, быкъ, иль хитрая мартышка -
Тому она предастся всей душой.
И прежде, чѣмъ съ нея сниму я чары -
Что сдѣлать я могу другой травой -
Мнѣ своего пажа она уступить.
Но кто идетъ сюда? Я невидимъ:
Подслушаю, что будутъ говорить.

Входитъ ДЕМЕТРІЙ, ЕЛЕНА слѣдуетъ за нимъ.

ДЕМЕТРІЙ.

Оставь меня - я не люблю тебя!
Гдѣ жъ Герміа прекрасная съ Лизандромъ?
Убью его - почти убить я ею!
Они въ лѣсу укрылись, ты сказала -
И вотъ я здѣсь, и вновь взбѣшенъ жестоко,
Что Герміи не встрѣтилъ! Прочь, оставь
И перестань преслѣдовать меня.

ЕЛЕНА.

Ты самъ своимъ алмазно-твердымъ сердцемъ
Меня влечешь. Не полагай, однако,
Что привлекаешь ты къ себѣ желѣзо:
Нѣтъ, сердцемъ я, повѣрь, вѣрна, какъ сталь!
Лишишь ты силы привлекать - тогда
Къ тебѣ стремиться силы я лишуся.

ДЕМЕТРІЙ.

Я ль льстилъ тебѣ? я ль былъ съ тобою ласковъ?
Напротивъ, я признался откровенно,
Что не люблю тебя и не могу
Тебя любить.

ЕЛЕНА.

За это я сильнѣе
Тебя люблю. Деметрій, я собачка,
Которую, чѣмъ болѣе ты бьешь,
Тѣмъ болѣе она тебя ласкаетъ.
Да, обходись со мною, какъ съ собачкой:
Толкай меня ногами, бей меня,
Не обращай вниманья - погуби;
Но какъ бы я презрѣнна ни была,
Лишь слѣдовать позволю мнѣ за тобою.
Въ твоей любви могу ль просить я мѣста
Смиреннѣе того, въ которомъ ты

Не отказалъ, конечно бѣ, и собакѣ;
Но счастлива была бы я и тѣмъ.

ДЕМЕТРІЙ.

Не вызывай наружу отвращенья:
Когда тебя я вижу - боленъ я.

ЕЛЕНА.

А я больна, когда тебя не вижу.

ДЕМЕТРІЙ.

Ты скромности законы оскорбляешь,
Изъ города такъ поздно выходя,
Преслѣдуя того, кѣмъ не любима
И дорогую дѣвственность ввѣряя
Удобностямъ пустынной тишины
И прихоти дурныхъ внушеній ночи.

ЕЛЕНА.

Защитою моею - добродѣтель
Деметрія. Когда тебя я вижу,
То для меня не существуетъ ночи.
Мнѣ кажется, что ночи нѣтъ теперь,
Мнѣ кажется, что обществомъ наполненъ
Пустынный лѣсъ. Въ тебѣ одномъ весь міръ!
Кто жъ подтвердить, что я одна въ лѣсу,
Когда весь міръ здѣсь на меня взираетъ?

ДЕМЕТРІЙ.

Я убѣгу и спрячусь отъ тебя
Въ кустарникахъ. И ты среди звѣрей
Останешься одна.

ЕЛЕНА.

О, самый дикій
Изъ всѣхъ звѣрей не такъ жестокъ, какъ ты!
Бѣги, когда ты хочешь; мы измѣнимъ
Уставленный природою порядокъ -
И побѣжитъ отъ Дафны Аполлонъ,
Помчится за грифономъ голубица,
И даже лань смиренная - и та
Удвоитъ бѣгъ, чтобы настигнуть тигра...
Но тщетны всѣ усилья, если слабость
Преслѣдуетъ, а твердость убѣгаетъ!..

ДЕМЕТРІЙ.

Тебя я слушать больше не хочу:

Пусти меня! И если ты за мною
Пойдешь опять, то я тебѣ клянусь,
Что сдѣлаю въ лѣсу твое несчастье.

Е Л Е Н А .

Увы! во храмѣ, въ городѣ и въ полѣ
Ты дѣлаешь вѣзде мое несчастье!
Деметрій, стыдно! Оскорбивъ меня,
Весь женскій полъ ты оскорбилъ жестоко!
Мы, женщины, не можемъ, какъ мужчины,
Оружіемъ завоевать любовь;
Мы созданы, чтобъ принимать отъ васъ
Любезности, а не самимъ за вами
Ухаживать. Я за тобой пойду...
О, я хочу изъ ада сдѣлать небо,
Принявши смерть отъ милой мнѣ руки!

(Деметрій и Елена уходятъ.)

Оберонъ .

Прощай! путь добрый, нимфа! Я устрою,
Пока вы здѣсь, что будешь отъ него

317

Ты убѣгать, а онъ страдать любовью.

Пукъ возвращается.

О Б Е Р О Н Ъ .

А, здравствуй, Пукъ! Досталъ ли ты цвѣтокъ?

П у к ъ .

Досталъ; вотъ онъ.

О Б Е Р О Н Ъ .

Давай его скорѣй,
Прошу тебя. Я знаю чудный берегъ,
Гдѣ дикій тминъ растетъ и гдѣ цвѣтутъ,
Качаяся, фіалки возлѣ буквиць.
Надъ берегомъ изъ жимолости темной,
Шиповника и благовонныхъ розъ
Какъ будто тамъ шатеръ образовался.
Въ немъ иногда, на ложѣ изъ цвѣтовъ,
Титанію въ часъ ночи усыпляетъ
Своей игрой и пляской хоръ духовъ,
А пестрый змѣй съ себя снимаетъ кожу,

Которая довольно широка,
Чтобъ эльфа въ ней закутать совершенно.
Пойду туда, Титаніи въ глаза,
Во время сна, пущу немного соку -
И въ тотъ же мигъ чудовищныхъ фантазій
Исполнится ея воображеніе.
Возьми и ты цвѣточекъ и ступай
Искать въ лѣсу. Аѳинянку найдешь
Ты тамъ и съ ней аѳинянина: онъ
Ея любовь святую отвергаетъ.
Ты молодца узнаешь по одеждѣ.
Натри ему глаза и сдѣлай такъ,
Чтобы ее онъ увидалъ проснувшись.
Смотри, устрой, чтобъ онъ въ нее влюбился
Еще сильнѣй, чѣмъ влюблена она.
Ступай же, Пукъ, и будь опять со мною,
Пока еще пѣтухъ не прокричалъ.

Пукъ.

Покоенъ будь: исполню приказанья.

(Уходитъ.)

СЦЕНА II.

Другая часть лѣса.

Входитъ ТИТАНІА со свитой.

ТИТАНІА.

Составьте хороводъ и пойте пѣсни,
Потомъ на треть минуты удалитесь:
Ступайте - кто злыхъ гусеницъ топтать,
Кто воевать съ летучими мышами,
Чтобы потомъ для всѣхъ малютокъ эльфъ
Сшить платица изъ кожаныхъ ихъ крыльевъ,
Кто отгонять толпы несносныхъ совъ,
Которыхъ такъ малютки удивляютъ,
Что напролетъ всю ночь они кричатъ.
Теперь меня вы пѣсней усыпите,
А тамъ скорѣй летите исполнять
Свои дѣла; я отдыхать здѣсь буду.

ПѢСНЯ.

ПЕРВЫЙ ЭЛЬФЪ.

Вы, съ раздвоеннымъ жаломъ змѣйки,
Припрячьте пестренькія шейки,

А вы, колючіе ежи
И долгохвостые ужи,
Царицѣ доброй не вредите
И близко къ ней не подходите!

ХОРЪ.

Съ нашей пѣсней, Филомела,
Слей мелодію свою,
Баю, баюшки баю!
Баю, баюшки баю!
Чтобъ ничто вредить не смѣло,
Чтобъ царица здѣсь спала,
Не страшась ни чаръ, ни зла!
Ну, царица, почивай,
Мы поемъ тебѣ: «бай, бай!»

ВТОРОЙ ЭЛЬФЪ.

Не ходите сюда вы, ткачи-пауки;
Долгоногіе - прочь, удалитесь!
Прочь, улитки, жуки!
Да и вы, червяки,
Сонъ царицы нарушить страшитесь!

ХОРЪ.

Съ нашей пѣсней, Филомела,
Слей мелодію свою.
Баю, баюшки баю!
Баю, баюшки баю!
Чтобъ ничто вредить не смѣло,
Чтобъ царица здѣсь спала,
Не страшась ни чаръ, ни зла!
Ну, царица, почивай,
Мы поемъ тебѣ: «бай, бай!»

ПЕРВАЯ ЭЛЬФА.

Прочь улетимъ: теперь въ порядкѣ все.
Пусть лишь одинъ останется на стражѣ.
(Эльфы улетають. Титанія засыпаетъ.)

Входитъ ОБЕРОНЪ.

ОБЕРОНЪ.

(выжимая цвѣтокъ на глаза Титаніи).

Кого проснувшись ты увидишь,
Его всѣмъ сердцемъ обожай,
Люби его, какъ только можешь,
И отъ любви къ нему страдай!

Будь онъ медвѣдь, иль волъ, иль кошка,
Будь онъ кабанъ, иль барсъ степной -
Пускай тебѣ вообразится,
Что одаренъ онъ красотой!
Лишь только гадкое творенье
Сюда придетъ, сбрось усыпленье!

(Оберонъ уходитъ.)

318

Входятъ Лизандеръ и Герміа.

Лизандеръ.

Прекрасная, ты вѣрно утомилась,
Такъ по лѣсу блуждая? Ты права:
Мы сбились съ дороги. Если хочешь,
Мы, Герміа, здѣсь можемъ отдохнуть
И подождать, пока разсвѣтъ настанетъ.

Герміа.

Да, отдохнемъ, Лизандеръ. Поищи,
Себѣ постель, а я на возвышеніи
Прилягу здѣсь усталой головой.

Лизандеръ.

Подушкой пусть одна и та же кочка
Послужитъ намъ. Одно пусть будетъ сердце,
Одна - постель. И въ насъ хоть двѣ души,
Но истина одна на днѣ обѣихъ.

Герміа.

Нѣтъ милый мой, хоть изъ любви ко мнѣ,
Мой дорогой Лизандеръ согласися, -
И не ложись такъ близко.

Лизандеръ.

О, прими
Мои слова въ чистѣйшемъ ихъ значеніи!
Всегда должно любовью понимать
Слова любви. Я говорю, что сердцемъ
Привязанъ я такъ сильно къ твоему,
Что въ насъ двоихъ одно и то же сердце.
Я говорю, что клятвой двѣ души
Въ насъ скованы такъ сильно, что хоть точно
Въ насъ двѣ души, но истина одна.

Позволь же мнѣ лечь рядомъ. Вѣрь мнѣ: я,
Ложась съ тобой, не осквернюся ложью.

ГЕРМІА.

Какъ хорошо играешь ты словами!
Свой нравъ и гордость прокляла бы я,
Когда бъ могла подумать, что ты лжешь;
Но, милый другъ, настолько будь любезенъ
И, изъ любви ко мнѣ, ложись подальше.
Чтобъ скромности людской не оскорбить,
Намъ слѣдуетъ съ тобою разлучиться.
Межъ юношей и дѣвой молодой,
Мой милый другъ, прилично разстоянье.
Итакъ - прощай. Пускай твоя любовь
Лишь съ жизнію безцѣнною изсякнетъ.

ЛИЗАНДЕРЪ.

Аминь, аминь, отвѣчу за молитву.
Пусть жизнь моя окончится тогда,
Когда любить тебя я перестану.
Я лягу здѣсь. Желаю, чтобы сонъ
Твои глаза сомкнулъ успокоеньемъ.

ГЕРМІА.

А я хочу, чтобъ точно тѣмъ же онъ
Закрывъ глаза того, кто мнѣ желаетъ.

(Лизандеръ и Гермія засыпаютъ.)

Входитъ Пукъ.

ПУКЪ.

Я лѣсь кругомъ весь обошелъ,
А человѣка не нашелъ,
На чьихъ глазахъ мой царь желаетъ
Цвѣточекъ этотъ испытать.
Онъ чудной силой обладаетъ
Любовь мгновенно зарождать.
Ночь - тишина! А, вотъ невѣжда!
На немъ аѳинская одежда...
Такъ, это онъ, должно быть, онъ,
О комъ твердилъ мнѣ Оберонъ:
Тотъ самый, что пренебрегаетъ
Аѳинской дѣвой. Вотъ она
Благополучно почиваетъ,
Хотя постель ея грязна.
Бѣдняжка, лечь она не смѣла
Съ своимъ безчувственнымъ рядкомъ.

Постой же, я поправлю дѣло:
Натру глаза его цвѣткомъ.
Пусть мой цвѣтокъ моею рукою
Всю душу въ немъ настроить вновѣ,
И съ этихъ поръ не дастъ покою
Его глазамъ его любовь!
Пропись, когда я удалюся;
Я жъ къ Оберону тороплюся.

(Выжимаетъ цвѣтокъ на глаза Лизандера и уходитъ.)

Входитъ ДЕМЕТРІЙ; ЕЛЕНА бѣжитъ за нимъ.

ЕЛЕНА.

Остановись, хотя бы для того,
Чтобы меня убить, о мой Деметрій!

ДЕМЕТРІЙ.

Прочь - и не смѣй преслѣдовать меня -
Я требую.

ЕЛЕНА.

Не хочешь ли ты бросить
Меня одну во тѣмѣ? О, не бросай!

ДЕМЕТРІЙ.

Останься здѣсь, или съ тобой случится
Несчастье. Я хочу итти одинъ. *(Уходитъ.)*

ЕЛЕНА.

Я не могу перевести дыханья;
Но тщетно я преслѣдую его:
Чѣмъ болѣе его я умоляю,
Тѣмъ меньше въ немъ участія возбуждаю.
Ты жъ, Гермія - ты счастлива вездѣ,
Гдѣ бы ни была! Въ твоихъ глазахъ есть сила
Притягивать къ себѣ сердца другихъ.
Чѣмъ придала она такъ много блеску
Своимъ глазамъ? быть можетъ, солью слезъ?
О, если бы такъ, то чаще, чѣмъ ея,
Мои глаза слезами орошались!
Нѣтъ; какъ медвѣдь, собой я безобразна:
Встрѣчаясь со мною, даже звѣри
Пугаются и отъ меня бѣгутъ;
Не должно же дивиться, что Деметрій
Отъ моего присутствія бѣжитъ,
Какъ будто отъ чудовища. Какому

Коварному, несчастному стеклу
 Я вѣрила, что съ Герміей прекрасной
 Осмѣлилась я сравнивать себя!
 Кто это здѣсь? Лизандеръ на землѣ!
 Онъ спитъ иль мертвъ? Но я не вижу крови,
 И раны нѣтъ. Лизандеръ, если вы
 Не умерли, проснитесь, ради Бога!

ЛИЗАНДЕРЪ (*просыпаясь*).

О, для тебя, прозрачная Елена,
 Я сквозь огонь охотно побѣгу.
 Могущество свое теперь являетъ
 Природа тѣмъ, что позволяетъ мнѣ
 Въ твоей груди вполнѣ увидѣть сердце.
 Деметрій! Гдѣ онъ? Гадко это имя!
 Какъ хорошо оно тому пристало,
 Кто долженъ пасть отъ моего меча!

ЕЛЕНА.

Лизандеръ, нѣтъ, не говорите такъ;
 Что нужды вамъ, что Гермію онъ любитъ?
 О, Боже мой, у Герміи въ душѣ
 Одни лишь вы: такъ будьте же довольны!

ЛИЗАНДЕРЪ.

Довольнымъ быть? Кѣмъ - Герміей? О, нѣтъ!
 Раскаялся я въ скучныхъ тѣхъ минутахъ,
 Которыя я съ нею потерялъ!
 Не Гермію люблю я, а Елену.
 Кто жъ ворона на голубя смѣнять
 Не пожелаетъ? Волей человека
 Владѣть умъ, а умъ мнѣ говоритъ,
 Что ты изъ всѣхъ достойнѣйшая дѣва.
 Какъ всякій плодъ до зрѣлости доходитъ
 Въ извѣстное лишь время, такъ и я
 До сей поры былъ юношей незрѣлымъ.
 Мой умъ достигъ теперь лишь до сознанья
 И, управляя волею моею,
 Привелъ меня къ глазамъ твоимъ, Елена:
 Въ твоихъ глазахъ, какъ въ книгѣ незакрытой,
 Читаю я рассказы про любовь.

ЕЛЕНА.

За что меня избрали вы предметомъ

Насмѣшки злой? Чѣмъ заслужила я
Презрѣніе отъ васъ? О, не довольно ль,
Не слишкомъ ли довольно и того,
Что заслужить я не могла и взгляда
Привѣтнаго отъ милаго ничѣмъ?
Нѣтъ, мало вамъ - и надъ моимъ безсилъемъ
Смѣтесъ вы. Повѣрьте мнѣ, Лизандеръ:
Презрительно привѣтствуя меня,
Нехорошо вы сдѣлали. Прощайте.
Но, признаюсь, я больше ожидала
Участія въ васъ встрѣтить. Неужели,
Когда однимъ мужчиною дѣвица
Отвергнута, то долженъ оскорблять
Ее другой? (*Уходитъ.*)

Л И З А Н Д Е Р Ъ .

Елена не видала
Здѣсь Герміи! Спи, Гермія! Отнынѣ
Ко мнѣ не приближайся! Какъ желудокъ,
Пресытившись хорошимъ сладкимъ яствомъ,
Потомъ къ нему питаетъ отвращенье;
Какъ ереси - особенно для тѣхъ,
Которые въ нихъ долго заблуждались -
Становятся глубоко ненавистны,
Такъ Герміа, какъ ересь иль какъ яства
Въ излишествѣ, будь ненавистна всѣмъ,
Особенно жъ будь ненавистна мнѣ!
Я съ этихъ поръ всѣ силы посвящаю
Любви моей Еленѣ и ея
Могуществу. Ей буду я слугою! (*Уходятъ.*)

Г Е Р М І А (*просыпаясь*).

О, помоги, Лизандеръ, помоги!
Сорви змѣю съ груди моей скорѣ!
О, сжался! Ахъ, какой тяжелый сонъ!
Смотри, я все еще дрожу отъ страха.
Мнѣ снилося, что будто бы змѣя
Ужасная мнѣ сердце пожирала
И что, смѣясь, спокойно ты смотрѣлъ
И на змѣю, и на мои страданья.
Лизандеръ! Какъ, ушелъ? Меня не слышитъ?
Лизандеръ! Какъ, ни звука нѣтъ, ни слова?
Увы! Гдѣ ты? О, говори со мной,
О, говори, молю тебя любовью!
Я чувствъ почти лишилася отъ страха.
Нѣтъ, видно, ты далеко отъ меня!

Тебя иль смерть сейчас же отыщу я!

(Убѣгаетъ.)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СЦЕНА I.

Та же часть лѣса.

ТИТАНІА *спитъ*. Входятъ ПИГВА, БУРАВЪ, ОСНОВА, ФЛЕЙТА, РЫЛО и ВЫДРА.

ОСНОВА. Всѣ ли мы собрались?

ПИГВА. Хорошо! хорошо!.. Да, здѣсь чрезвычайно приличное мѣсто и для нашей репетиціи. Эта зеленая лужайка будетъ нашей сценой, этотъ кустъ боярышника - нашей уборной; и мы разыграемъ нашу пьесу точь-въ-точь какъ передъ герцогомъ.

ОСНОВА. Питеръ Пигва!

ПИГВА. Что тебѣ, неутомонный Основа?

ОСНОВА. Есть вещи въ этой комедіи Пирама и Өисби, которыя вовсе не понравятся. Во-первыхъ, Пирамъ долженъ обнажить мечъ, чтобы убить себя - этого дамы не могутъ вынести. Что ты на это скажешь?

РЫЛО. Клянусь - это въ самомъ дѣлѣ опасно.

320

ВЫДРА. Я полагаю, что при концѣ представленія убійство можно и выпустить.

ОСНОВА. Ничуть! У меня есть хитрость, которая все уладить. Напишите мнѣ прологъ и пусть въ этомъ прологѣ будетъ сказано, что мы вовсе не хотимъ вредить нашими мечами и что Пирамъ убить; а для большаго убѣжденія, скажите имъ, что я, Пирамъ, не Пирамъ, а просто Никъ Основа, ткачъ: это уничтожить всякій страхъ.

ПИГВА. Хорошо, у насъ будетъ такой прологъ, и мы напишемъ его восьмистопными и шестистопными стихами.

ОСНОВА. Нѣтъ, прибавьте еще двѣ стопы: пусть онъ будетъ восьмистопный и восьмистопный.

РЫЛО. Не испугаются ли дамы льва?

ВЫДРА. Я боюсь этого - увѣрю васъ.

ОСНОВА. Господа, вы должны это хорошенько обдумать. Привести - Боже насъ избави - льва туда, гдѣ находятся дамы! это ужаснѣйшій поступокъ! Изъ всѣхъ дикихъ звѣрей нѣтъ птицы страшнѣе вашего льва - живого льва, и вы должны обратить на это вниманіе.

РЫЛО. Надо будетъ въ другомъ прологѣ сказать, что это не левъ.

ОСНОВА. Нѣтъ, надо, чтобъ актеръ назвалъ себя по имени и изъ-за шеи льва показалъ до половины свое лицо. При этомъ онъ можетъ сказать вотъ

что, или что-нибудь подобное: «Сударыни», или: «прекрасныя дамы, я бы желалъ», или: «я прошу васъ», или: «я умоляю васъ - не пугайтесь, не трепещите: я ручаюсь моею жизнью за ваши жизни. Если вы думаете, что я левъ, то я пропалъ! Нѣтъ, я совсѣмъ не левъ: я такой же человѣкъ, какъ и другіе люди». При этомъ, кстати, пусть актеръ назоветъ себя по имени; пусть онъ скажетъ, что онъ просто Буравъ, столяръ.

ПИГВА. Хорошо, пусть будетъ такъ. Но есть еще двѣ трудныя вещи: первая – какъ привести въ комнату лунный свѣтъ? Вы знаете, что Пирамъ и Өисби разговариваютъ при лунномъ свѣтѣ.

БУРАВЪ. Будетъ ли свѣтитъ луна въ ночь нашего представленія?

ОСНОВА. Календарь! Календарь! Посмотрите въ календарѣ; сыщите лунный свѣтъ, сыщите лунный свѣтъ!

ПИГВА. Да, въ эту ночь луна будетъ свѣтитъ.

ОСНОВА. Если такъ, то стоитъ только въ большой комнатѣ, гдѣ мы будемъ играть, оставить окно открытымъ - и луна сама будетъ свѣтитъ въ окно.

ПИГВА. Да. Не то, пусть кто-нибудь придетъ съ зажженнымъ пучкомъ терновника или съ фонаремъ, и скажетъ, что онъ пришелъ подражать лунѣ или представлять лунный свѣтъ. Но есть другое затрудненіе: намъ нужна будетъ стѣна въ большой комнатѣ, ибо Пирамъ и Өисби, какъ гласитъ исторія, разговаривали сквозь щель стѣны.

БУРАВЪ. Вы никогда не ухитритесь принести стѣну въ комнату! Что вы скажете, Основа?

ОСНОВА. Кто-нибудь можетъ представлять стѣну. Пусть онъ намажетъ себя немножко гипсомъ, или мѣломъ, или штукатуркой, чтобы лучше походить на стѣну, и пусть онъ держитъ свои пальцы вотъ такъ, и сквозь ихъ промежутокъ Пирамъ и Өисби будутъ шептаться.

ПИГВА. Ежели это можно сдѣлать, то теперь все слажено. Ну, садитесь на земь и повторяйте ваши роли. Пирамъ, вы начинаете. Когда вы проговорите вашу рѣчь, то войдете въ эту чашу. Такъ будутъ дѣлать всѣ, каждый соображаясь со своей ролью.

Пукъ *появляется позади ихъ.*

ПУКЪ.

Что за народъ здѣсь грубый раскричался
Такъ близко отъ царициной бесѣдки?
Комедію, никакъ, здѣсь затѣваютъ?
Послушаю, а можетъ быть, и самъ,
При случаѣ, къ нимъ попаду въ актеры.

ПИГВА. Начинайте, Пирамъ! Өисби, подойдите поближе!

ПИРАМЪ *(декламируя).*

О, милая Өисби, цвѣтовъ неблаговонье...

ПИГВА *(поправляя его).* Цвѣтовъ благоуханье, благоуханье!

ПИРАМЪ.

О, милая Эисби, цвѣтовъ благоуханье
Не такъ пріятно мнѣ, какъ устъ твоихъ дыханье!
Но слышу голосъ я: останься здѣсь покуда,
А я сейчасъ опять къ тебѣ явлюсь отсюда!

(Уходитъ въ кусты.)

Пукъ.

О, мой Пирамъ, страннѣйшій изъ Пирамовъ!

(Уходитъ за Пирамомъ.)

ФЛЕЙТА. Теперь моя очередь говорить?

ПИГВА. Да, разумѣется, теперь вамъ говорить. Вы понимаете, что онъ пошелъ освѣдомиться, что тамъ за шумъ? и сейчасъ воротится.

ЭИСБИ.

Блестящій мой Пирамъ, съ лилейной бѣлизною,
Ты розу побѣдилъ своею красотою!

321

Могучій юноша, брильянтъ души моей
И вѣрный мнѣ, какъ конь, вѣрнѣйшій изъ коней,
Который никогда усталости не знаетъ!
Приду къ тебѣ, Пирамъ, къ Ниннiевой могилѣ!

ПИГВА. Къ Нинусовой могилѣ любезный! Но вамъ еще рано это говорить: этимъ стихомъ вы должны отвѣчать Пираму. Вы выговариваете вашу роль всю сплошь и не дожидаетесь реплики. Пирамъ входитъ; вы кончаете этими словами: *усталости не знаетъ*.

Возвращаются Пукъ невидимый, и ОСНОВА съ ослиной головой.

ЭИСБИ.

И вѣрный мнѣ, какъ конь, вѣрнѣйшій изъ коней,
Который никогда усталости не знаетъ!

ПИРАМЪ.

Лишь для тебя Пирамъ прекраснымъ быть желаетъ!

ПИГВА. О, безобразіе! О, чудо! Здѣсь черти! Молитесь, господа! Спасайтесь, добрые люди! Помогите! *(Всѣ разбѣгаются.)*

Пукъ.

Теперь пойду за вами и заставлю
Васъ поплутать порядкомъ чрезъ кусты,
Чрезъ тернія, чрезъ чащу и болота.

Я буду вамъ являться каждый мигъ
То лошадыю, то свинкой, то собакой
Медвѣдемъ безголовымъ, то огнемъ,
И буду ржать и хрюкать, и урчать,
Рычать и жечь, при каждой перемѣнѣ,
То лошади, то свинкѣ, то собакѣ,
То пламени, то хищному медвѣдю
Со всѣмъ моимъ искусствомъ подражая.

(Уходитъ.)

ОСНОВА. Куда же это они разбѣжались? А! это штука: они хотятъ испугать меня.

Возвращается РЫЛО.

РЫЛО. О, Основа! ты превращень: что это я вижу на тебѣ?

ОСНОВА. Что вы видите? вы видите ослиную голову, такую же, какъ ваша - не такъ ли?

Возвращается ПИГВА.

ПИГВА. Да защититъ тебя небо, Основа! да защититъ тебя небо: ты превращень!

(Рыло и Пигва убѣгаютъ.)

ОСНОВА. Я понимаю ихъ хитрость: они хотятъ сдѣлать изъ меня осла и испугать, если можно; но я не сойду съ этого мѣста, что бы они ни дѣлали; я буду здѣсь прогуливаться взадъ и впередъ; я буду пѣть, чтобы они слышали, что я не испугался.

(Поетъ.)

И черный дроздъ съ оранжевымъ носкомъ,
И сѣрый дроздъ съ пріятнымъ голоскомъ,
И королекъ съ коротенькимъ пушкомъ...

ТИТАНІА *(пробуждаясь)*.

Какой меня здѣсь ангелъ пробуждаетъ?

ОСНОВА *(поетъ)*.

И зябликъ, и щегленокъ,
И звонкій жаворонокъ.
И сѣрая пеструшка -
Несносная кукушка,
Которая весь вѣкъ
Все то же повторяетъ;
Ей внемлетъ человекъ,
Хоть вѣрить не желаетъ.

Впрочемъ, кто же захочетъ терять свои слова для такой глупой птицы?
Кто захочетъ доказывать птицѣ, что она вретъ, хоть бы она цѣлый вѣкъ кричала «ку-ку!»

ТИТАНІА.

О, спой еще, прекраснѣйшій изъ смертныхъ:

Мой слухъ влюбленъ въ твой чудный голосокъ,
Какъ влюблены мои глаза въ твой образъ,
Ты силою своихъ прекрасныхъ качествъ
Влечешь меня невольно и признаться,
И клятву дать, что я тебя люблю!

ОСНОВА. Мнѣ кажется, сударыня, что съ вашей стороны не слишкомъ благоразумно любить меня. Впрочемъ, сказать правду, въ нынѣшнее время любовь и благоразуміе рѣдко ходятъ рука-объ-руку, и, право, достойно сожалѣнія, что какой-нибудь честный сосѣдъ не возьметъ на себя труда подружить ихъ. Видите ли, что я умѣю и пошутить при случаѣ.

ТИТАНІА.

Ты такъ уменъ, какъ и красивъ собою!

ОСНОВА. Ни то, ни другое. Но если бы я имѣлъ настолько ума, чтобы выйти изъ этого лѣса, мнѣ было бы достаточно его для собственнаго обихода.

ТИТАНІА.

О, не желай изъ лѣса выходить!
Я не пущу: ты долженъ здѣсь остаться.
Я эльфа и породы не простой:
Весна всегда живетъ въ моихъ владѣнняхъ.
Люблю тебя, останься же со мной!
Я дамъ тебѣ прекрасныхъ эльфовъ въ службу,
И для тебя онѣ пойдутъ искать
На днѣ морскомъ камня дорогіе
И будутъ пѣть и пѣсней усыплять
На берегу, усыпанномъ цвѣтами.
И смертную природу я въ тебѣ
Очищу такъ, что будешь ты подобенъ
Воздушному, безплотному созданью.
Скорѣй, Горохъ Душистый, Паутинка,
Моль, Зернышко Горчичное, сюда!

322

Являются ЧЕТЫРЕ ЭЛЬФЫ.

ПЕРВАЯ ЭЛЬФА.

Я здѣсь!

ВТОРАЯ ЭЛЬФА.

И я!

ТРЕТЬЯ ЭЛЬФА.

И я!

ЧЕТВЕРТАЯ ЭЛЬФА.

Что намъ прикажешь?

ТИТАНІА.

Любезными прошу быть съ этимъ смертнымъ.
Всѣ прыгайте, рѣзвитесь передъ нимъ,
Его кормить - несите абрикосы,
Смородину, пурпурный виноградъ
И ягоды шелковицы, и фиги;
У дикихъ пчелъ похитьте сладкій медъ,
А ножки ихъ, налитанныя воскомъ,
Повырвите и, факелы подѣлавъ,
Зажгите ихъ у свѣтляковъ въ глазахъ,
Чтобъ освѣщать и сонъ, и пробужденіе
Любезнаго. У бабочекъ цвѣтныхъ
Вы крылышки цвѣтныя оборвите,
Чтобъ отгонять, какъ вѣрами, ими
Лучи луны отъ усыпленныхъ глазъ.
Привѣтствуйте его скорѣе, эльфы!

ПЕРВАЯ ЭЛЬФА.

Привѣтъ тебѣ!

ВТОРАЯ ЭЛЬФА.

Привѣтъ!

ТРЕТЬЯ ЭЛЬФА.

Привѣтъ!

ЧЕТВЕРТАЯ ЭЛЬФА.

Привѣтъ!

ОСНОВА. Я отъ всего сердца благодарю вашу честь. Не угодно ли вашей чести сказать мнѣ свое имя?

ПЕРВАЯ ЭЛЬФА. Паутинка.

ОСНОВА. Я бы желалъ покороче съ вами познакомиться, любезная госпожа Паутинка. Если я обрѣжу палецъ, то я возьму смѣлость прибѣгнуть къ вашей помощи. Ваше имя, честный господинъ?

ВТОРОЙ ЭЛЬФЪ. Душистый Горошекъ.

ОСНОВА. Прошу васъ поручить меня благосклонности госпожи Шелухи – вашей матушки, и господина Стручка - вашего батюшки. Любезный господинъ Душистый Горошекъ, я чрезвычайно желаю познакомиться съ вами покороче. Ваше имя, сударь?

ТРЕТІЙ ЭЛЬФЪ. Горчичное Зернышко.

ОСНОВА. Любезный господинъ Горчичное Зернышко, я очень хорошо знаю ваши злоключенія. Этотъ безсовѣстный, этотъ гигантскій ростбифъ

перевелъ множество благородныхъ членовъ вашего дома. Увѣряю васъ, что ваши родственники не разъ заставляли слезы навертываться на моихъ глазахъ.

Я желаю познакомиться съ вами покороче,
Любезный господинъ Горчичное Зернышко!

ТИТАНІА.

Идите всѣ за нимъ и отведите
Его въ мою бесѣдку. Ужъ луна
На насъ смотрѣть сквозь слезы начинаетъ.
Когда она льетъ слезы, вмѣстѣ съ нею
Цвѣточекъ каждый плачетъ и скорбитъ
О чистотѣ, похищенной насильно.
Вы милаго языкъ обворожите
И въ тишинѣ въ бесѣдку отведите!

(Уходитъ.)

СЦЕНА II.

Другая часть парка.

Входитъ ОБЕРОНЪ.

Проснулась ли Титанія? Кто первый
Ея глазамъ явился и въ кого
Она должна влюбиться до безумья?
Желалъ бы знать!

Входитъ ПУКЪ.

ОБЕРОНЪ.

А! вотъ и мой посланникъ!
Ну, глупый духъ, что новаго? Скажи,
Въ лѣсу волшебномъ что насъ позабавить?

ПУКЪ.

Въ чудовище царица влюблена!
Когда она была погружена
Въ глубокой сонъ, то близъ ея бесѣдки,
Закрытой и священной, собралась
Толпа людей оборванныхъ и грубыхъ,
Которые трудами достаютъ
Насущный хлѣбъ въ аѳинскихъ балаганахъ.
Они пришли, чтобъ сдѣлать повторенье
Комедіи, которую хотятъ
Представить въ день супружества Тезея.
Глупѣйшій изъ всей этой глупой группы,
Тотъ самый, что Пирама представлялъ,
Окончивъ роль, вошелъ въ лѣсную чашу.

Я въ темнотѣ послѣдовалъ за нимъ
И обратилъ пирамову башку
Въ ослиную. Онъ скоро долженъ былъ
Явиться вновь, чтобы отвѣтить Өисби.
Вотъ мой актеръ является на сцену -
И только лишь замѣтили его
Товарищи, всѣ разомъ встрепенулись.
Какъ дикій гусь, который встрѣтилъ взоръ
Ползущаго охотника; какъ галки,
Которыя, отъ выстрѣла вспорхнувъ,
Всѣ каркають и, воздухъ разсѣкая,
Летятъ спастись по разнымъ сторонамъ:
Такъ и они, увидѣвши Пирама,
Пустилися спасаться кто куда.

323

Всѣ падали, гдѣ я ступалъ ногою,
И, падая, кричали, что ихъ рѣжутъ
И изъ Аѳинъ къ себѣ на помощь звали...
Разсудокъ ихъ, столь слабый, потерялся
Въ ихъ ужасѣ столь сильномъ; ложный страхъ
Способствовалъ безжизненнымъ предметамъ
Еще сильнѣй вредить имъ и пугать;
Терновникъ и шиповникъ за одежды
Хватали ихъ, при чемъ рукавъ иль шляпу
Бѣгущіе покинуть торопились.
Такъ, преданныхъ безумному ихъ страху,
Я разогналъ ихъ всѣхъ, оставя здѣсь
Прекраснаго Пирама въ превращеніи.
Межъ тѣмъ, какъ я тамъ съ ними хлопоталъ,
Проснулася царица и тотчасъ же
Влюбилася до крайности въ осла.

ОБЕРОНЪ.

Исполнилось все лучше, чѣмъ я думалъ.
Пустилъ ли ты аѳинянину въ очи
Волшебный сокъ, какъ я тебѣ велелъ?

ПУКЪ.

Да, я его нашелъ, когда онъ спалъ
Недалеко отъ юной аѳинянки;
Когда же онъ проснется, то она
Его глазамъ предстанетъ поневолѣ.

Входятъ ДЕМЕТРІЙ и ГЕРМІА.

ОБЕРОНЪ.

Тс! замолчи! Вотъ онъ идетъ сюда!

ПУКЪ.

Да, дѣва та, но съ ней другой мужчина.

ДЕМЕТРІЙ.

О, для чего отталкиваешь ты
Того, кто такъ тебя безумно любитъ?
Такъ злиться въ правѣ ты лишь на врага.

ГЕРМІА.

Покажѣсть я тебя лишь упрекала;
Но я боюсь, чтобъ ты не заслужилъ
Не только что упрека, но проклятья!
О, если ты убилъ во время сна
Лизандера? Его облитый кровью,
Ты погрузись вполнѣ въ моей крови:
Убей меня! Нѣтъ, солнце не бывало
Такъ вѣрно дню, какъ вѣренъ былъ Лизандеръ
Своей любви! О, нѣтъ - уйдетъ ли онъ
Отъ Герміи уснувшей? Я повѣрю
Скорѣй тому, что скоро шаръ земной
Просверлится насквозь и что въ отверстъе
Скользнетъ луна до самыхъ антиподовъ,
Чтобъ въ полдень тамъ явить свой блѣдный ликъ
И оскорбить пылающее солнце.
О, вѣрно ты Лизандера убилъ:
Ты страшенъ мнѣ, ты смотришь какъ убійца!

ДЕМЕТРІЙ.

О, такъ какъ я - убитый только смотреть!
Да, я убить, жестокостью твоей,
А ты, мой врагъ, убійца мой прекрасный,
Горишь звѣздой плѣнительной Венеры,
Вотъ что горитъ на ясныхъ небесахъ!

ГЕРМІА.

Что общаго съ Лизандеромъ моимъ
Въ твоихъ словахъ? О, добрый мой Лизандеръ!
Гдѣ онъ? отдай его моей любви!

ДЕМЕТРІЙ.

Я трупъ его скорѣй отдамъ собакамъ!

ГЕРМІА.

Прочь отъ меня, прочь злобная собака!
Мою ты скромность вывелъ изъ предѣловъ.
Да, ты убилъ Лизандера? Отнынѣ
Будь исключень изъ общества людскаго!
Не мучь меня: вѣдь, ты убилъ его?
Прошу, скажи хотя однажды правду!
Когда бы онъ не спалъ, ты не посмѣлъ бы
Ему въ лицо взглянуть; но ты напалъ
На соннаго. Какъ храбро поступилъ ты!
Лишь гадина могла такъ поступить!
Да, ты змѣя; но и змѣѣ едва ли
Когда случилось злѣй тебя ужалить.

ДЕМЕТРІЙ.

Ты сердишься напрасно: я невинень:
Лизандера я кровь не проливалъ
И не слыхалъ, что твой Лизандеръ умеръ.

ГЕРМІА.

Молю тебя, скажи мнѣ, что онъ живъ!

ДЕМЕТРІЙ.

Какая жъ ждетъ меня за то награда?

ГЕРМІА.

Не видѣться со мною никогда!
Присутствіе твое мнѣ ненавистно!
Живъ онъ, иль нѣтъ, я не хочу, чтобъ ты
Мнѣ на глаза являлся.

(Уходитъ.)

ДЕМЕТРІЙ.

Безполезно
Ее теперь преслѣдовать: она
Разсержена ужасно. Постараюсь
Здѣсь отдохнуть немножко; я усталъ.
Печаль еще становится несноснѣй,
Когда ей сонъ, должникъ неаккуратный,
Откажется уплачивать свой долгъ.
Попробую, быть-можетъ, онъ уплатитъ
Хоть что-нибудь; здѣсь подожду его.

(Ложится и засыпаетъ.)

ОБЕРОНЪ.

Что сдѣлалъ ты: ты все перемѣшалъ!
Ты вѣрному любовнику влилъ соку,

И отъ твоей ошибки – посмотри:
Кто вѣрнымъ былъ, тотъ сдѣлался невѣрнымъ.

П у к ъ .

Ужъ, видно, такъ устроено судьбой:
На одного, кто вѣрнымъ остается,

324

Есть миллионъ вздыхателей невѣрныхъ,
Тьму ложныхъ клятвъ которые даютъ!

О Б Е Р О Н ъ .

Ну, обѣги весь лѣсъ быстрѣе вѣтра
И отыщи Елену изъ Аѳинъ.
Она больна; ея ланиты блѣдны;
Отъ вздоховъ и отъ пламенной любви
Исчезла въ ней вся свѣжесть юной крови.
Какимъ-нибудь обманомъ приведи
Ее сюда, а я здѣсь очарую
Его глаза, пока она придетъ.

П у к ъ (*убѣгая*).

Бѣгу, бѣгу! Смотрите, какъ бѣгу -
Быстрѣй стрѣлы, татаринѣмъ спущенной.

О Б Е Р О Н ъ .

(*выжимая цвѣтокъ на глаза Дементрія.*)

Купидономъ пораженный,
Чудный, пурпурный цвѣтокъ,
На покровъ очей смеженный
Испусти волшебный сокъ -
И имъ брошенная дѣва
Пусть блеснетъ въ его очахъ
Въ обаяніи напѣва,
Какъ Венера въ небесахъ!
Когда придетъ Елена, ты проснись
И всей душой въ прекрасную влюбись!

П у к ъ (*возвращается*).

П у к ъ .

Толпы волшебной властелинъ,
Елена близко. Вмѣстѣ съ нею
Идетъ аѳинянинъ одинъ:

Тотъ, что ошибкою моею,
Проснувшись, сталъ ее любить -
И умоляетъ онъ Елену
Его любовь вознаградить.
Увидимъ мы смѣшную сцену.
Какъ глупы люди - погляди!

ОБЕРОНЪ.

Молчи и дальше отойди;
Ихъ шумъ Дементія разбудить.

ПУКЪ.

Здѣсь разомъ два влюбленныхъ будетъ.
О, какъ забавно, какъ смѣшно!
Меня ничто не забавляетъ
Сильнѣй того, какъ заодно
Нелѣпость съ глупостью бываетъ!

Входятъ ЛИЗАНДЕРЪ и ЕЛЕНА.

ЛИЗАНДЕРЪ.

Ты думаешь, что я лишь насмѣхаюсь,
Твою любовь выманивая - нѣтъ!
Бываютъ ли насмѣшки со слезами?
Смотри когда клянусь тебѣ - я плачу:
Мои слова рождаются въ слезахъ,
Въ ихъ истинѣ порукой ихъ рожденье.
Какъ можешь ты предполагать насмѣшку,
Когда въ глазахъ ты видишь знакъ того,
Какъ я въ моихъ словахъ чистосердечень?

ЕЛЕНА.

Вы все сильнѣй преслѣдуете хитрость.
Какъ тяжела борьба двухъ клятвъ бываетъ,
Когда одна другую убиваютъ!
Для Герміи храните ваши клятвы:
Онѣ – ея; откажетесь ли вы?
Попробуйте вы взвѣсить клятву клятвой -
И вѣсу въ ней не будетъ. Такъ обѣтъ,
Который вы и мнѣ, и ей даете,
Коль положить въ двѣ чашечки вѣсовъ,
То ни одна изъ нихъ не перевѣситъ:
Онѣ легки останутся, какъ сказки.

ЛИЗАНДЕРЪ.

Когда я ей клялся, разсудокъ мой
Былъ не со мной.

Е Л Е Н А .

Онъ и теперъ не съ вами,
Когда отъ прежнихъ клятвъ вы отречетесь.

Л И З А Н Д Е Р Ъ .

Пусть Гермію Деметрій любитъ; васъ
Не любитъ онъ.

Д Е М Е Т Р І Й (*просыпаясь*).

Елена! О, богиня!
О, нимфа водъ! О, чудо совѣршенства!
Съ чѣмъ я могу сравнить твои глаза?
Съ кристалломъ? - нѣтъ, кристаллъ нечистъ и мутенъ.
Какъ въ красотѣ твои созрѣли губки -
Вотъ вишенки, растуція затѣмъ,
Чтобъ возбуждать желанье къ поцѣлюю.
О, бѣлизна снѣговъ оледенѣлыхъ,
Ласкаемыхъ восточными вѣтрами
И покрывающихъ высокій Тавръ,
Мнѣ кажется чернѣй перо вороны,
Когда свою ты руку поднимаешь!
Елена, о, позволь поцѣловать
Ее - печать небеснаго блаженства,
Владычицу чудесной бѣлизны!

Е Л Е Н А .

О, злоба! адъ! Вы сговорились всѣ,
Чтобъ надо мной жестоко насмѣхаться.
О, если бы приличье знали вы -
Вы оскорблять не стали бы такъ сильно
Несчастную! Да, мнѣ давно извѣстно:
Вы ненависть питаете ко мнѣ;
Но нужно ль вамъ еще соединяться,
Чтобъ тяжело такъ смѣяться надо мной?
О, если бы вы были точно люди -
Какъ кажется по виду - о, тогда
Не стали бъ вы, конечно, обращаться
Такъ съ женщиной смиренною и тихой,
Не стали бъ мнѣ давать такъ много клятвъ
И восхвалять достоинства мои
До крайности, когда я вѣрно знаю,

Что вы меня не терпите всѣмъ сердцемъ.

Соперники вы были по любви,
Соперники теперь вы по насмѣшкѣ.
Насмѣшками своими вызывать
У дѣвушки несчастной, бѣдной слезы...
Какъ доблестенъ и мужественъ вашъ подвигъ.
О, нѣтъ, въ комъ есть хоть искра благородства,
Не станетъ тотъ такъ забавлять себя
И выводить бѣдняжку изъ терпѣнья!

ЛИЗАНДЕРЪ.

Деметрій, вы жестоки - перестаньте!
Вѣдь, Гермію вы любите, я знаю -
Я отъ души и сердца моего
Передаю вамъ всѣ мои права
На Гермію, а вы мнѣ уступите
Свои права на чудную Елену,
Которую я всей душой люблю
И буду вѣкъ любить.

ЕЛЕНА.

О, никогда
Насмѣшники такъ нагло не смѣялись!

ДЕМЕТРІЙ.

Нѣтъ, Гермію оставь себѣ, Лизандеръ:
Она мнѣ не нужна, и если я
Ее любилъ, моя любовь прошла.
У Герміи мое гостило сердце,
Теперь - оно къ Еленѣ, какъ въ свой домъ,
Пришло назадъ навѣки поселиться!

ЛИЗАНДЕРЪ.

Не вѣрь ему, Елена!

ДЕМЕТРІЙ.

Не дерзай
Оспаривать, чего ты самъ не знаешь,
Иль дорого заплатишь ты за дерзость.

Входитъ ГЕРМІА.

ГЕРМІА.

Отнявъ у глазъ способность зорко видѣть,
Ночь мрачная усиливаетъ слухъ
И дѣлаетъ чувствительнѣе звуки.
Ночь, зрѣніе ослабивъ, награждаетъ
Насъ тѣмъ, что слухъ удваиваетъ въ насъ.
Я не глазамъ обязана, а уху

Тѣмъ, что тебя, Лизандеръ, здѣсь нашла:
Я шла сюда на голосъ твой. Жестокій,
Зачѣмъ меня оставилъ ты одну?

ЛИЗАНДЕРЪ.

А могъ ли тотъ съ тобою оставаться,
Кого любовь гнала прочь отъ тебя?

ГЕРМІА.

Какая же любовь тебя гнала
Отъ Герміи?

ЛИЗАНДЕРЪ.

Лизандера любовь!
Лизандера любовь не позволяла
Съ тобой мнѣ быть; любовь его къ Еленѣ,
Которая блеситъ во тѣмѣ ночной,
Сильнѣй очей небесныхъ - чудныхъ звѣздъ!
Зачѣмъ меня ты ищешь? Не могла ли
Ты разгадать, что ненависть моя
Заставила меня тебя покинуть?

ГЕРМІА.

Не то, что думаешь, ты говоришь;
Не можетъ быть!

ЕЛЕНА.

Смотрите - и она
Съ нимъ въ заговоръ вступила. О, я вижу,
Они втроемъ здѣсь собрались затѣмъ,
Чтобъ надо мной жестоко забавляться!
Неблагодарная, коварная подруга,
Не ты ли все устроила, скажи,
Чтобы меня измучить глупой шуткой?
О, Герміа! забыла ты мечты,
Которыя дѣлили мы съ тобою,
Привязанность взаимную, часы,
Которые вдвоемъ мы проводили
И быстроту ихъ обвиняли въ томъ,
Что насъ они такъ скоро разлучали.
Ужели все забыто: наша дружба
И дѣтская невинность? Помнишь, мы
Одинъ цвѣтокъ съ тобою вышивали,
Какъ двѣ богини, по одной канвѣ;
Всегда сидѣли на одной подушкѣ,
Одну и ту же пѣсню напѣвая,
Какъ-будто въ насъ и руки, и тѣла,

И голоса, и души были слиты?
О! мы росли, какъ вишенка двойная,
Что раздвоенной кажется на взглядъ,
Но связана однимъ и тѣмъ же стеблемъ.
Какъ ягодки прелестныя растутъ
На стебелькѣ единомъ, такъ и мы -
Хоть съ виду были двѣ, однако сердце
Мы общее имѣли. Какъ въ гербѣ,
Хотя и есть два поля - оба поля,
Принадлежа единому щиту,
Увѣнчаны нашьлемникомъ единымъ:
Такъ мы съ тобой - и прежнюю любовь,
О, Герміа, ты хочешь уничтожить!
Съ мужчинами соединилась ты,
Чтобъ надъ своей подругой насмѣяться.
Не дружескій, не дѣвственный поступокъ!
Весь женскій полъ со мною заодно
Тебя винить – повѣрь - за это будетъ,
Хоть я одна тобой оскорблена.

Г Е Р М І А .

Меня твои упреки удивляютъ!
Я не смѣюсь, но кажется, что ты
Намѣрена смѣяться надо мною.

Е Л Е Н А .

Лизандера не ты ль уговорила,
Въ насмѣшку мнѣ, послѣдовать за мной
И восхвалять мое лицо и очи?

А твой другой возлюбленный, Деметрій,
Который такъ недавно отгонялъ
Меня ногой, не по твоей ли волѣ
Зоветь меня безцѣнной, божествомъ,
Небесною и нимфой несравненной?
Зачѣмъ бы сталъ такъ говорить онъ той,
Которую онъ сердцемъ ненавидитъ?
Зачѣмъ бы сталъ Лизандеръ отрекаться
Отъ прошлаго и отъ твоей любви,
Которая вселилась такъ глубоко
Въ его душѣ? зачѣмъ свою любовь
Онъ предлагать мнѣ сталъ бы? Безъ сомнѣнья,
Все съ твоего согласья. Если я

Не такъ, какъ ты, прекрасна и счастлива,
И не влеку, какъ ты, къ себѣ сердецъ,
Напротивъ же люблю - и нелюбима.
О, Гермія, несчастье мое
Въ тебѣ вселить должно бы не презрѣнье,
А жалость.

Г Е Р М І А .

Нѣтъ, не понимаю я,
Что хочешь ты сказать.

Е Л Е Н А .

О, притворяйся
Печальною! Прекрасно! продолжай!
О, дѣлайте гримасы и другъ другу
Подмаргивать съ улыбкой продолжайте,
Когда спиной я обращаюсь къ вамъ;
Всѣ поддержать старайтесь вашу шутку:
Въ ней много есть забавного; она
Такъ сыграна, что перейдетъ въ потомство.
О, если бы въ васъ было сожалѣнье,
Привѣтливость иль благородство, - вы
Не сдѣлали бъ меня предметомъ шутокъ!
Прощайте. Я отчасти виновата:
Но смерть или отсутствіе мое
Мою вину исправятъ очень скоро.

Л И З А Н Д Е Р Ъ .

Остановись и дай мнѣ оправдаться!
Моя любовь, моя душа и жизнь -
Чудесная Елена!

Е Л Е Н А .

Превосходно!

Г Е Р М І А .

Ну, перестань, не оскорбляй ее.

Д Е М Е Т Р І Й .

Когда она не можетъ упросить,
То я могу принудить.

Л И З А Н Д Е Р Ъ .

Ты принудить,
Меня, повѣрь, не можешь, а она
Меня равно не можетъ упросить.
Повѣрь, твои угрозы не сильнѣе

Ея безсильнаго моленья. О, Елена,
Клянусь тебѣ, что я тебя люблю!
Клянусь тебѣ я жизнью - это правда!
Той жизни, которой я готовъ
Пожертвовать, чтобъ только доказать,
Что тотъ солгалъ, кто утверждать дерзаетъ,
Что будто бы я не люблю тебя.

ДЕМЕТРІЙ.

Я говорю, что я люблю Елену,
И болѣе, чѣмъ можешь ты любить.

ЛИЗАНДЕРЪ.

О, если такъ, пойдемъ - и докажи мнѣ.

ДЕМЕТРІЙ.

Сейчасъ, идемъ...

ГЕРМІА (*удерживая Лизандера*).

О, что все это значить?
Лизандеръ, объясни!

ЛИЗАНДЕРЪ.

Прочь, эѳіопка!

ДЕМЕТРІЙ.

Довольно, другъ, хитрить и притворяться!
Для виду лишь ты рвешься изъ объятій
И показать стараешься притворно,
Что хочешь вслѣдъ идти - и не пойдешь.
О, знаю я тебя: ты смиренный воинъ!

ЛИЗАНДЕРЪ (*Гермию*).

Да не цѣпляйся за меня ты, кошка!
Оставь меня, негодная ты тварь!
Иль я тебя отброшу, какъ змѣю,
Прочь отъ себя!

ГЕРМІА.

Зачѣмъ такая строгость?
О, милый мой, что сдѣлалось съ тобой?

ЛИЗАНДЕРЪ.

Твой милый? Прочь, прочь, смуглая татарка,
Прочь, кислое лѣкарство, прочь микстура!

ГЕРМІА.

Ты шутишь?

ЕЛЕНА.

Да, онъ шутить, какъ и ты.

ЛИЗАНДЕРЪ.

Деметрій, я сдержу, что обѣщался.

ДЕМЕТРІЙ.

Посмотримъ, докажи. Я замѣчаю,
Что слабыхъ узъ довольно для того,
Чтобы тебя сдержать - и я не вѣрю
Твоимъ словамъ.

ЛИЗАНДЕРЪ.

Не хочешь ли чтобъ я
Ее побилъ, иль ранилъ, иль до смерти
Ее убилъ? Я не хочу ей зла,
Хотя ея и ненавижу.

ГЕРМІА.

Боже,
Мнѣ ненависть твоя сильнѣй всѣхъ золъ!
Какъ - ненависть? ко мнѣ? Скажи, за что же?
О, что съ тобой, мой милый? Развѣ я
Не Гермія? ты развѣ не Лизандеръ?
Не такъ ли я, какъ прежде, хороша?
Какъ, въ ту же ночь любить меня и бросить!
Да, бросилъ ты меня! О, боги, боги!

327

Не дайте мнѣ увѣриться, что правду
Я говорю!

ЛИЗАНДЕРЪ.

Да, правду: я клянусь
Въ томъ жизнию! Да, я тебя оставилъ
Съ намѣреніемъ не видѣть никогда;
А потому ты можешь отказаться
Отъ всѣхъ надеждъ, вопросовъ и сомнѣній.
Да, я люблю Елену, а къ тебѣ
Я ненависть питаю - и повѣрь,
Что истина все это, а не шутка.

ГЕРМІА (Еленѣ).

Обманщица! червь, спрятанный въ цвѣткѣ!

Воровка! Ты сюда прокралась ночью,
Чтобъ милаго похитить у меня.

Е Л Е Н А .

Какъ хорошо! Нѣтъ болѣе въ тебѣ
Ни чистоты, ни скромности дѣвичьей,
И искры нѣтъ стыда въ твоихъ поступкахъ,
Иль хочешь ты изъ устъ моихъ смиренныхъ
Потокъ укоровъ пламенныхъ извлечь?
Стыдись, дрянная кукла!

Г Е Р М І А .

Кукла! Я?
Что хочешь ты сказать? А, понимаю,
Откуда ты названіе взяла!
О, я теперь все дѣло понимаю:
Она меня унижить ростомъ хочетъ,
Сравнивъ мой ростъ съ своимъ, которымъ такъ
Тщеславится. Наружностью своею,
Высокою фигурой - знаю я -
Она его плѣнила. Неужели
Ты оттого такъ стала высоко
Въ его любви? Ужель я такъ мала?
Ну, отвѣчай, раскрашенная жердь!
Ужель я такъ мала? О, нѣтъ, не думай!
Нѣтъ, я не такъ мала, чтобъ не достать
До глазъ твоихъ ногтями.

Е Л Е Н А .

Господа,
Хотя и вы смѣтаетесь надо мною,
Но я прошу васъ - не давайте ей
Вредить мнѣ. Я совсѣмъ не зла - повѣрьте,
И ссориться привычки не имѣю.
По робости, я дѣвушка вполнѣ;
Меня побить ее не допускайте.
Не думайте, чтобъ я могла найти
Въ самой себѣ отъ Гермiи защиту,
Хотя она и мѣньше.

Г Е Р М І А .

Какъ! Опять
Ты говоришь о ростѣ!

Е Л Е Н А .

Не сердись,
О, Гермiа! Не будь ко мнѣ жестока!

Ты помнишь, вѣдь, къ тебѣ всегда любовь
Питала я и тайны всѣ твои
Хранила вѣкъ. Я предъ тобой чиста!
Теперь въ одномъ я только провинилась,
Что, изъ любви къ Деметрію, сказала,
Что вы ушли тихонько въ этотъ лѣсъ.
Деметрій мой послѣдовалъ за вами,
А я за нимъ любовью увлеклась;
Но, оттолкнувъ, онъ угрожалъ меня
Прибить, прогнать, ногами растоптать
Или убить. Теперь, когда хотите
Меня домой пустить, я отнесу
Въ Аѳины страсть безумную обратно
И болѣе не буду вамъ мѣшать.
Позвольте же теперь мнѣ удалиться.
Вы видите, какъ я проста, глупа.

ГЕРМІА.

Ну, что жъ тебя удерживаетъ?

ЕЛЕНА.

Сердце,
Которое я оставляю здѣсь.

ГЕРМІА.

Съ Лизандеромъ?

ЕЛЕНА.

Съ Деметріемъ.

ЛИЗАНДЕРЪ.

Елена,
Она тебѣ не смѣетъ сдѣлать зла:
Ты можешь быть покойна.

ДЕМЕТРІЙ.

О, конечно!
Хотя бъ и ты соединился съ ней -
Вы сдѣлать зла не смѣете Еленѣ.

ЕЛЕНА.

Когда она разсердится, ужасно
Бываетъ зла. Еще какъ были въ школѣ -
Она была драчуньей. Я боюсь,
Хотя она мала.

ГЕРМІА.

Опять «мала» -
Опять меня ты ростомъ попрекаешь!
Дозволите ль меня такъ оскорблять?
Пустите къ ней!

ЛИЗАНДЕРЪ.

Прочь, карлица, прочь, крошка,
Зачатая на маточной травѣ!
Прочь, бусинка! Прочь, желудь!

ДЕМЕТРІЙ.

Ну, Лизандеръ,
Не слишкомъ ли услужливъ ты для той,
Которая услугъ твоихъ не просить?
Оставь ее, не говори о ней,
Не защищай Елены. Если смѣешь
Ты оказать хоть каплю къ ней любви,
Ты дорого заплатишь!

ЛИЗАНДЕРЪ.

Я свободенъ:
Она меня не держитъ. Ну, теперь
Иди за мной скорѣе, если смѣешь.

328

Кто больше правъ имѣеть на Елену -
Увидимъ.

ДЕМЕТРІЙ.

Какъ? Мнѣ за тобой итти?
Я предъ собой тебѣ не дамъ ни шага!

(Деметрій и Лизандеръ уходятъ.)

ГЕРМІА.

И вы однѣ, сударыня, причиной
Всѣхъ этихъ непріятностей. Куда?
Останьтесь здѣсь!

ЕЛЕНА.

Я вамъ не довѣряю,
И съ вами здѣсь остаться не хочу.
Когда дойдетъ до драки, ваши руки
Быстрѣй моихъ; но ноги у меня,
Чтобы бѣжать, длиннѣй гораздо вашихъ.

(Убѣгаетъ.)

ГЕРМІА.

Не нахожу, не знаю, что сказать!

(Бѣжитъ за Еленой.)

ОБЕРОНЪ.

Вотъ слѣдствія оплошности твоей!
И всякій разъ ты промахи творишь,
Иль просто ты умышленно плутуешь.

ПУКЪ.

Ошибся я - повѣрь мнѣ, царь тѣней!
Не ты ли мнѣ сказалъ, что по костюму
Аѳинскому узнаю я того,
Кого ищу? И, право, мой поступокъ
Не заслужилъ упрековъ! Развѣ я
Аѳинянина очи не увлажилъ?
Отчасти я ошибкѣ даже радъ:
Ихъ ссора намъ доставила забаву.

ОБЕРОНЪ.

Соперники, однако, ищутъ мѣста,
Чтобъ драться. Ну, ступай скорѣе, Робинъ,
Спѣши, удвой тьму ночи; звѣздный сводъ
Покрой густымъ туманомъ, столь же мрачнымъ,
Какъ Ахеронъ, и разведи сейчасъ
Двухъ вспыльчивыхъ соперниковъ, но такъ,
Чтобы одинъ не могъ другого встрѣтить:
То голосомъ Лизандера дразни,
Деметрія язвительной насмѣшкой;
То голосомъ Деметрія серди
Лизандера - и такъ ихъ другъ отъ друга
Удерживай до той поры, пока
На ихъ чело сонъ, подражатель смерти,
Надвинется свинцовою стопой
И ихъ своимъ крыломъ нетопыринымъ
Прикроетъ. Ты пусти тогда въ глаза
Лизандеру сокъ этой чудной травки:
Въ ней свойство есть въ глазахъ уничтожать
Какой-нибудь обманъ иль ослѣпленье
И прежнюю способность возвращать.
Когда они проснутся, эта шутка
Покажется имъ сномъ, пустымъ видѣньемъ,
Соперники въ Аѳины возвратятся,
И свяжутъ ихъ сердца такія узы,

Которыя разрушить только смерть.
Ступай - пока исполни это дѣло,
А я пойду къ царицѣ, и у ней
Я выпрошу индійскаго ребенка.
Потомъ сниму я съ глазъ ея тѣ чары,
Которыми прикована она
Къ чудовищу - и всюду водворится
Спокойствіе.

П у к ъ .

Мой чудный повелитель,
Намъ слѣдуетъ, однако, поспѣшить.
Ужъ облака драконы черной ночи
Всею силою стремятся разсѣкать,
Ужъ тамъ блестятъ предвѣстники Авроры,
И, чувствуя, что скоро будетъ свѣтъ,
Спѣшатъ толпой блуждающія тѣни
На кладбище. Всѣ проклятыя души,
Которыя могилу обрѣли
Въ волнахъ иль на дорогахъ перекрестныхъ,
Ужъ улеглись на ложа изъ червей,
Страшась, чтобъ день ихъ страшнаго позора
Не озарилъ, отъ радостнаго дня
Они себя изгнали добровольно
И тѣмъ ночей навѣки обреклись.

О Б Е Р О Н ъ .

Но мы съ тобой другого рода духи:
Съ поклонникомъ Авроры мнѣ не разъ
Случалось въ лѣсу здѣсь забавляться.
Я обѣгалъ съ нимъ рощи, какъ лѣсничій,
До той поры, пока врата Востока,
Всѣ красные, какъ будто бы въ огнѣ,
Разверзнувшись широко, начинали
Свои лучи въ Нептуна погружать
И покрывать чудесно-желтымъ златомъ
Соленыя, зеленыя струи.
Но поспѣши, однако, и не мѣшай -
До утра мы успѣемъ кончить все.

(Уходитъ.)

П у к ъ .

И сюда и туда, и туда и сюда,
Я ихъ всѣхъ поведу и сюда и туда.
Не деревни однѣ, но и всѣ города,
Всѣ боятся меня, всѣмъ я страшенъ всегда.

Ну, шалунъ, поводи ихъ туда и сюда!
А, вотъ одинъ!

Входитъ Лизандеръ.

Лизандеръ.

Ну, гдѣ же ты, Деметрій?
Надменный, гдѣ ты - говори?

Пукъ.

Я здѣсь!
А, негодяй! Къ оружью, защищайся!
Гдѣ ты?

Лизандеръ.

Я здѣсь! Сейчасъ найду тебя.

329

Пукъ.

Иди сюда; здѣсь поровнѣе мѣсто!

(Лизандеръ уходитъ, слѣдуя за голосомъ.)

Входитъ Деметрій.

Деметрій.

Лизандеръ, трусь! Ну, говори опять!
Бѣглець! Ушелъ! Въ кустарникъ ты, что ли?
Гдѣ голову свою ты спряталъ?

Пукъ.

Трусь!
Ты лишь во тьмѣ храбришься предъ звѣздами,
Кричишь кустамъ, что время бой начать,
А самъ нейдешь. Иди сюда, трусь подлый,
Молокосось! Я розгою тебя
Здѣсь высѣку; мечъ же не унижу:
Противъ тебя не обнажу его!

Деметрій.

Да гдѣ же ты?

Пукъ.

Иди за мной, на голосъ:
Удобнѣ здѣсь храбрость испытать.

(Уходятъ.)

ЛИЗАНДЕРЪ возвращается.

ЛИЗАНДЕРЪ.

Онъ отъ меня бѣжитъ и вызываетъ
Меня на бой. Когда я прихожу
На тѣ мѣста, куда меня онъ кличетъ,
Его тамъ нѣтъ. Да, этотъ негодяй
Быстрѣй меня. Хотя я довольно скоро
Гнался за нимъ, но онъ еще скорѣй
Бѣжалъ, чтобъ я не могъ его настигнуть.
Гнался, гнался и, наконецъ, попалъ
На темную, неровную дорогу.
Останусь здѣсь. Приди скорѣе, день!

(Ложится.)

Лишь только ты блеснешь передо мною
Своимъ сѣдымъ лучомъ, я отыщу
Дементрія и отомщу обиду. *(Засыпаетъ.)*

ПУКЪ и ДЕМЕНТРІЙ возвращается.

ПУКЪ.

Го-го-го-го! Трусъ! что же ты нейдешь?

ДЕМЕНТРІЙ.

Дождись меня, когда дождаться смѣешь.
О, знаю я - ты отъ меня бѣжишь
И лишь мѣста мѣняешь безпрестанно,
Ни на одномъ не смѣя оставаться,
Чтобъ прямо мнѣ въ лицо взглянуть. Гдѣ ты?

ПУКЪ.

Поди сюда! я здѣсь.

ДЕМЕНТРІЙ.

Ты надо мной смѣешься,
Но дорого заплатишь ты за то,
Когда тебя при свѣтѣ дня я встрѣчу.
Теперь ступай дорогою своей.
Я вынужденъ усталостью измѣрить
Всѣмъ корпусомъ холодную постель.
Лишь только день настанетъ - жди меня!

(Ложится и засыпаетъ.)

Входитъ ЕЛЕНА.

ЕЛЕНА.

Ночь скучная, меня ты утомила!
Ночь длинная, убавь свои часы!
О, заблести скорѣе на востокѣ,
Отрадный день! При чудномъ свѣтѣ дня
Я возвращусь въ Аѳины и оставляю
Тѣхъ, для кого присутствіе мое
Несносно такъ! Ты, благодатный сонъ,
Скрывающій порой глаза печали,
О, помоги забыться хоть на мигъ!

(Ложится и засыпаетъ.)

Пукъ.

Только трое ихъ покуда;
Пусть еще придетъ одна -
По два будь обоихъ половъ -
И четыре - всѣ сполна!
Вотъ она идетъ, бѣдняжка:
Какъ сердита, какъ грустна!
Купидонъ большой проказникъ:
Можно ль женщинъ такъ крушить?
Можно ль ихъ съ ума сводить?

Входитъ ГЕРМІА.

ГЕРМІА.

О, никогда я такъ не уставала
И никогда несчастнѣй не была!
Изорвана я вся колючимъ терномъ,
Измочена росой - и не могу
Ни двигаться, ни продолжать пути.
У ногъ моихъ нѣтъ силы покоряться
Желаніямъ моимъ. Останусь здѣсь
И отдохну, пока день загорится.
О, ежели сражаться должно имъ,
Пусть небеса Лизандеру помогутъ!

(Ложится и засыпаетъ.)

Пукъ *(подходя къ Лизандеру).*

Спи, влюбленный, спи,
Спи глубокимъ сномъ:
Я глаза твои
Излѣчу цвѣткомъ!

(Выжимаетъ цвѣтокъ надъ Лизандеромъ.)

И въ минуту пробужденья
Снова будешь ты имѣть

Въ полной мѣрѣ наслажденье -
Прежде милому творенью
Въ очи милыя глядѣть!
И надъ вами совершится,
Что въ народѣ говорится:
Всякъ будь царь своихъ владѣній;
Джонъ свою получить Дженни;
Все пойдетъ своимъ путемъ;
Будутъ всѣ съ своимъ конькомъ;
Все окончится добромъ! (*Уходитъ.*)

330

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА I.

Тамъ же.

ДЕМЕТРІЙ, ЕЛЕНА, ЛИЗАНДЕРЪ и ГЕРМІА спятъ.

Входятъ ТИТАНІА со свитой и ОСНОВА.

ОБЕРОНЪ наблюдаетъ за ними издали.

ТИТАНІА.

Поди, садись на ложе изъ цвѣтовъ!
Дай поласкать прекрасныя ланиты,
Дай розами убрать твою головку,
Столь мягкую, столь гладкую, позволь
Поцѣловать твои большія уши.
О, милый другъ!

ОСНОВА. Гдѣ Душистый Горошекъ?

ДУШИСТЫЙ ГОРОШЕКЪ. Здѣсь.

ОСНОВА. Почешите у меня въ головѣ, Душистый Горошекъ. Гдѣ госпожа Паутинка?

ПАУТИНКА. Здѣсь.

ОСНОВА. Госпожа Паутинка, любезная госпожа Паутинка, возьмите въ руки ваше оружіе и убейте мнѣ эту красноногую дикую пчелку, что сидитъ на вѣршинѣ этого волчеца и затѣмъ, любезная госпожа Паутинка, принесите мнѣ ея медовый мѣшочекъ. Только не слишкомъ горячитесь въ этомъ дѣлѣ, госпожа Паутинка, чтобы медовый мѣшочекъ не лопнулъ: мнѣ было бы непріятно увидѣть васъ, сударыня, облитую медомъ. Гдѣ господинъ Горчичное Зернышко?

ГОРЧИЧНОЕ ЗЕРНЫШКО. Здѣсь.

ОСНОВА. Дайте мнѣ вашу лапку, господинъ Горчичное Зернышко! Сдѣлайте одолженіе, перестаньте церемониться, любезный господинъ!

ГОРЧИЧНОЕ ЗЕРНЫШКО. Что вамъ угодно?

ОСНОВА. Ничего, любезный господинъ; помогите, однако, госпожѣ Паутинкѣ почесать у меня въ головѣ. Надо мнѣ сходить къ цырюльнику, любезный господинъ, а то, кажется, на моей рожѣ выросли чудесные волосы. Я такой чувствительный осель, что если чуть защекочетъ меня волосъ, то я долженъ чесаться.

ТИТАНІА.

Не хочешь ли ты музыки послушать,
Мой милый другъ?

ОСНОВА. Да, у меня довольно хорошее ухо для музыки. Сыграйте-ка что-нибудь на варганѣ.

ТИТАНІА.

Не хочешь ли покушать ты чего?

ОСНОВА. Въ самомъ дѣлѣ! Я бы поѣлъ, я бы охотно поглоталъ хорошаго, сухого овсеца. Мнѣ кажется, что я имѣю также большое влеченіе къ вязанкѣ сѣна. Хорошее, сочное сѣно! что можетъ съ нимъ сравниться?

ТИТАНІА.

Есть у меня проворный эльфъ въ услугахъ.
У бѣлочки отыщетъ онъ запасъ
И принесетъ тебѣ орѣховъ свѣжихъ.

ОСНОВА. Я бы предпочелъ горсть или двѣ сухого гороху. Но сдѣлайте одолженіе, прикажите вашему народу оставить меня въ покоѣ. Я чувствую, что-то меня начинаетъ клонить ко сну.

ТИТАНІА.

Спи; вокругъ тебя я обовьюсь руками!

(Обнимаетъ Основу.)

Вы, эльфы, всѣ ступайте по мѣстамъ.

(Эльфы уходятъ.)

Такъ жимолость иль сладкій каприфолій
Высокій вязъ съ любовью обвиваютъ;
Такъ кольцами плющъ нѣжный огибаетъ
Покрытые корою пальцы вяза.
О, я тебя люблю, боготворю!

(Титанія и Основа, обнявшись, засыпаютъ.)

Входитъ Пукъ.

ОБЕРОНЪ *(приближаясь).*

А, мой Робинъ, здорово! Полюбуйся

На зрѣлище прекрасное. Во мнѣ,
Я признаюсь, рождаться начинаетъ
Къ безумію царицы состраданье.
За лѣсомъ съ ней я встрѣтился сейчасъ,
Когда она собирала благовонья
Для этого презрѣннаго болвана.
Я тамъ ее порядкомъ пожурилъ.
Вѣнками изъ цвѣтовъ пахучихъ, свѣжихъ
Она его власатые виски
Придумала украсить - и росинки,
Которыя гордились недавно
Тѣмъ, что блестятъ роскошно на цвѣтахъ,
Какъ круглыя жемчужины Востока,
Теперь лежатъ въ глазахъ цвѣтковъ, какъ слезы,
Которыя принуждены свой срамъ
Оплакивать. Когда я посмѣялся
Надъ нею вдоволь и когда она
Просить меня съ покорностію стала,
Чтобъ я ея простилъ, я у нея
Потребовалъ индійскаго ребенка.
Она его мнѣ тотчасъ уступила
И эльфу приказала отнести
Его въ мою волшебную бесѣдку.
Теперь онъ мой, и съ глазъ моей царицы
Я слѣпоту презрѣнную сниму.
Ты, Милый Пукъ, аѳинскаго невѣжду
Отъ головы искусственной избавь.
Проснувшись, пусть воротится съ другими
Въ Аѳины онъ, и тамъ пускай они

331

Припоминаютъ всѣ объ этой ночи
Не иначе, какъ о видѣньяхъ сна.
Но прежде надо снять съ царицы чары.

(Выжимаетъ цвѣтокъ на глаза Титаніи.)

Будь, чѣмъ ты всегда была,
Видь, какъ видѣла ты прежде!
Сокъ Діанина ростка
Уничтожить въ мигъ всю силу
Купидонова цвѣтка.
Теперь, моя Титанія, проснись!
Проснись, моя любезная царица!

ТИТАНІА (*просыпаясь*).

Мой Оберонъ, какія сновидѣнья
Имѣла я! Сейчасъ казалось мнѣ,
Что будто бы я влюблена въ осла.

ОБЕРОНЪ.

Вотъ здѣсь лежитъ твой милый.

ТИТАНІА.

Какъ все это
Могло случиться? О, какъ нестерпимо
Смотрѣть глазамъ на эту образину!

ОБЕРОНЪ.

Молчанье на минуту! Ну, Робинъ
Избавь его отъ этой головы.
Титанія, пусть музыка играетъ,
Пускай сильнѣй, чѣмъ сонъ обыкновенный,
Всѣхъ пятерыхъ она здѣсь усыпитъ.

ТИТАНІА.

Эй, музыка! Эй, музыка, сюда!
Скорѣй играй и очаруй здѣсь спящихъ!

ПУКЪ (*снимая ослиную голову съ Основы*).

Когда проснешься, видь опять
Своими мутными глазами!

ОБЕРОНЪ.

Ну, музыка, играй! (*Раздается тихая и мелодичная музыка.*)
Моя царица,
Возьмемся за руки съ тобой и землю
Подъ спящими заставимъ трепетать.
Теперь опять мы въ дружбѣ. Завтра въ полночь
Торжественно мы будемъ танцовать
У герцога Тезея въ пышномъ замкѣ -
И мы его наполнимъ мирнымъ счастьемъ.
Любовниковъ двѣ вѣрныя четы
Тамъ женятся съ Тезеемъ въ то же время -
И будутъ всѣ счастливы и довольны.

ПУКЪ.

Властитель, скоро разсвѣтетъ:
Ужъ, рѣя, жавронокъ поетъ!

ОБЕРОНЪ.

Мы вслѣдъ за ночью полетимъ,

Среди священной тишины,
Быстрѣй блуждающей луны.

ТИТАНІА.

Летѣть съ тобой готова я;
Ты жъ мнѣ расскажешь, какъ случилось,
Что ночью здѣсь уснула я
И вдругъ средь смертныхъ очутилась.

(Исчезаютъ.)

(Слышны за сценой крики охотниковъ.)

Входятъ ТЕЗЕЙ, ИППОЛИТА, ЕГЕЙ и свита.

ТЕЗЕЙ.

Одинъ изъ васъ пусть сходитъ отыскать
Лѣснаго. Теперь обряды наши
Окончены. Но такъ какъ мы еще
Въ началѣ дня, то милая моя
Моихъ собакъ музыку будетъ слышать.
Спустите ихъ всѣхъ къ западной равнинѣ.
Скорѣе! Я сказалъ, чтобы нашли
Лѣснаго. А мы съ тобой, царица
Прекрасная, пойдемъ на эту гору
И будемъ тамъ свободнѣе внимать
Чудесному смѣшенью голосовъ
Моихъ собакъ и эха.

ИППОЛИТА.

Помню я,
При мнѣ однажды Геркулесь и Кадмъ
Спартанскими собаками травили
Медвѣдя въ Критскомъ лѣсѣ. Никогда
Пріятнѣе я звуковъ не слыхала.
Повѣришь ли, не только что кусты,
Но небеса, окрестности, ручьи
Звучали всѣ единымъ, общимъ крикомъ.
Да, никогда не слыхивала я
Такого музыкальнаго разлада,
Такого усадительнаго шума!

ТЕЗЕЙ.

Но и мои къ спартанской же породѣ
Принадлежать: и у моихъ собакъ
Большая пасть и шерсти цвѣтъ песочный;
На головахъ ихъ уши такъ висятъ,
Что ими даже утреннюю росу
Онѣ сметають; выпнуты ихъ ноги.

Подгрудки же у нихъ, какъ у быковъ
Θессаліи. И если на угонку
Онѣ не такъ-то быстры, ужъ зато
Ихъ голоса подобраны другъ къ другу,
Какъ колокольчики. О, никогда
Въ Θессаліи, иль въ Спартѣ, или въ Критѣ
Охотничьи рога не возбуждали
Собой собакъ столь сильно сладкозвучныхъ!
Суди сама, когда услышишь ихъ.
Но тише! Тс! Что это здѣсь за нимфы?

ЕГЕЙ.

Мой государь, да это дочь моя,
А здѣсь лежитъ Лизандеръ; вотъ Деметрій,
А съ ними и Елена, дочь Нидала.
Я удивленъ, что нахожу ихъ здѣсь
Всѣхъ вмѣстѣ.

ТЕЗЕЙ.

Да, они такъ рано встали,
Чтобъ майскіе обряды совершить.

332

Услышав о намѣреніи нашемъ,
Они пришли сюда! чтобъ съ нами вмѣстѣ
Здѣсь праздновать. Скажи-ка мнѣ, Егей,
Не нынче ли срокъ Герміи назначенъ?
Дай свой отвѣтъ.

ЕГЕЙ.

Такъ точно, государь.

ТЕЗЕЙ.

Поди, скажи, чтобъ звуками роговъ
Охотники ихъ тотчасъ разбудили.

(За сценою раздаются звуки охотничьихъ роговъ и крики. Деметрій, Лизандеръ, Герміа и Елена просыпаются и вскакиваютъ.)

А, здравствуйте, друзья! ночь Валентина
Уже прошла; а вы, лѣсныя птички,
Лишь начали, никакъ, слетаться вмѣстѣ?

ЛИЗАНДЕРЪ.

Простите, государь!

(Лизандеръ и прочіе становятся на колѣни передъ Тезеемъ.)

ТЕЗЕЙ.

Прошу всѣхъ встать.
Я знаю, что соперники вы двое:
Откуда же согласіе такое
Между двумя врагами? Отчего
Такъ ненависть отъ страха далека,
Что съ ненавистью спить и не боится,
Что духъ вражды надъ ними?

ЛИЗАНДЕРЪ.

Государь!
Я нахожусь въ какомъ-то полуснѣ
И отвѣчать вамъ буду съ удивленьемъ.
Но я клянусь, что не могу сказать вамъ
Съ подробностью, какъ я попалъ сюда.
Какъ кажется - желалъ бы вамъ сказать
Всю истину - теперь припоминаю,
Какъ это все случилось... точно такъ!
Я съ Герміей пришелъ сюда: хотѣли
Мы изъ Аѳинъ бѣжать, чтобъ скрыть себя
Отъ строгости аѳинскаго закона.

ЕГЕЙ.

Довольно о, довольно! Государь,
Вы слышали довольно. Я зову
Законъ, законъ на головы виновныхъ.
Они бѣжать хотѣли. О, Деметрій,
Они чрезъ то хотѣли насъ лишить:
Тебя - жены, меня - законной воли
Женить тебя на дочери моей!

ДЕМЕТРІЙ.

Мой государь, прекрасная Елена
Открыла мнѣ намѣреніе ихъ
Бѣжать и здѣсь пока въ лѣсу укрыться.
Я, въ бѣшенствѣ, послѣдовалъ за ними;
Прекрасную жъ Елену повлекла
За мной любовь. Но, добрый государь,
Не знаю я, какой чудесной силой -
А сила здѣсь какая-то была -
Вдругъ къ Герміи любовь моя исчезла,
Растаяла внезапно, будто снѣгъ -
И я теперь о ней припоминаю,
Какъ о пустой игрушкѣ, о которой
Безумствовалъ я въ дѣтствѣ. Вся любовь
И все, что есть святого въ этомъ сердцѣ,

Принадлежитъ теперь одной Еленѣ;
Она одна - предметъ и радость глазъ!
Съ ней, государь, я сговоренъ былъ прежде,
Чѣмъ увидалъ я Гермію; потомъ,
Какъ будто бы въ болѣзни, эта пища
Мнѣ сдѣлалась несносною; теперь же
Я, какъ больной въ своемъ выздоровленіи,
Вновь получилъ естественный мой вкусъ.
Теперь ее люблю, ее ищу,
Теперь о ней вздыхаю и хочу
Я вѣрнымъ ей остаться до могилы!

ТЕЗЕЙ.

Прекрасныя четы, я счастливъ,
Что встрѣтилъ васъ. Но послѣ обо всемъ
Разскажете вы намъ. Тебѣ, Егей,
Придется подчиниться нашей волѣ.
Пусть съ нами вмѣстѣ эти двѣ четы
Въ одномъ навѣкъ соединятся храмъ.
Но утро ужъ почти прошло, и мы
Намѣреніе охотиться отложимъ.
Отправимся въ Аѳины. Три и три!
О, праздникъ нашъ великолѣпенъ будетъ!
Пойдемъ же, Ипполита!

(Тезей, Ипполита, Егей и свита уходятъ.)

ДЕМЕТРІЙ.

Это все
Мнѣ кажется столь слабымъ и неяснымъ,
Какъ абрисъ горъ, столь сходныхъ съ облаками.

ГЕРМІА.

Мнѣ кажется, что я на все смотрю
Раздѣльными глазами: предо мною
Двоится все.

ЕЛЕНА.

Я то же ощущаю:
Мнѣ кажется, что будто я нашла
Деметрія, какъ камень дорогой,
Который мой, а вмѣстѣ и не мой!

ДЕМЕТРІЙ.

Я думаю, что мы всѣ спимъ и бредимъ.
Но не былъ ли здѣсь герцогъ? За собой
Онъ намъ итти не приказалъ ли?

ГЕРМІА.

Да
И мой отецъ былъ съ нимъ.

ЕЛЕНА.

И Ипполита.

ЛИЗАНДЕРЪ.

Онъ намъ велѣлъ итти за нимъ во храмъ.

ДЕМЕТРІЙ.

Такъ, значитъ, мы не спимъ! Итакъ, пойдѣмте

333

За герцогомъ скорѣе и расскажемъ
Дорогою другъ другу наши сны. (*Уходятъ.*)

ОСНОВА (*просыпаясь*). Когда придетъ моя очередь, позовите меня - и я буду отвѣчать. Мнѣ надо говорить тотчасъ послѣ этихъ словъ: «*мой прекраснѣйшій Пирамъ!*» Эй! го-го! Питеръ Пигва! Флейта – продавецъ раздувальныхъ мѣховъ! Рыло - мѣдникъ! Выдра! Господи помилуй! они всѣ улизнули и оставили меня спящимъ. Я видѣлъ престранный сонъ. Я видѣлъ сонъ... не достанетъ человѣческаго ума, чтобъ рассказать, какой это былъ сонъ. Осель тотъ человѣкъ, который пустится объяснять этотъ сонъ. Мнѣ казалось, что я былъ... Ни одинъ человѣкъ не можетъ сказать, что мнѣ казалось! Мнѣ казалось, что я былъ... мнѣ казалось, что я имѣлъ; но былъ бы пестрымъ шутомъ тотъ человѣкъ, который бы осмѣлился сказать, что мнѣ казалось! Глазъ человѣческій не слыхалъ, ухо человѣческое не видало, рука человѣческая неспособна вкусить, языкъ человѣческій неспособенъ понять, а сердце человѣческое неспособно выразить, что такое былъ мой сонъ! Я попрошу Питера Пигву написать балладу изъ этого сна. Эту балладу назовутъ «Сномъ Основы», потому что въ этомъ снѣ нѣтъ никакой основы. Я пропою эту балладу передъ герцогомъ, въ самомъ концѣ пьесы. Можетъ-быть, чтобы придать ей болѣе пріятности, я пропою ее тотчасъ послѣ смерти. (*Уходитъ.*)

СЦЕНА II.

Аѳины. Комната въ домѣ Пигвы.

Входятъ ПИГВА, ФЛЕЙТА, РЫЛО и ВЫДРА.

ПИГВА. Послали ли въ домъ Основы? воротился ли онъ домой?

ВЫДРА. О немъ нѣтъ и слуху. Безъ сомнѣнія онъ околдованъ.

ФЛЕЙТА. Если онъ не воротится, то наша пьеса пропала. Безъ него она не можетъ итти - не правда ли?

ПИГВА. Невозможно! Кромѣ него у васъ нѣтъ во всѣхъ Аѳинахъ человѣка, который былъ бы способенъ взять на себя роль Пирама.

ФЛЕЙТА. Нѣтъ; онъ, просто на просто, самый сильный умъ изъ всѣхъ аѳинскихъ мастеровыхъ.

ПИГВА. Да - и вмѣстѣ самый красивый мужчина. Онъ истинный любовникъ по своему пріятному голосу.

ФЛЕЙТА. Вы бы должны были сказать: истинный образчикъ совершенства. Любовникъ! Боже насъ упаси! Это самая ничтожная вещь!

Входитъ БУРАВЪ.

БУРАВЪ. Господа, герцогъ возвращается изъ храма; тамъ же обвѣнчаны два или три кавалера, двѣ или три дамы. Если наша пьеса пойдетъ, наше счастье у насъ въ рукахъ!

ФЛЕЙТА. О, мой любезный крикунъ-Основа! это лишаетъ тебя шести пенсовъ въ день пожизненнаго пенсіона. Онъ непремѣнно получилъ бы шесть пенсовъ въ день. Я хочу быть повѣшенъ, еслибы герцогъ не назначилъ ему по шести пенсовъ въ день за то, что онъ сыгралъ роль Пирама - и онъ бы заслужилъ ихъ. Шесть пенсовъ въ день за Пирама или ничего!

Входитъ ОСНОВА.

ОСНОВА. Гдѣ они, мои малютки? гдѣ они, мои милые?

ПИГВА. Основа! О торжественнѣйшій день! о счастливѣйшій часъ!

ОСНОВА. Господа, я могу рассказать вамъ чудеса, но не спрашивайте у меня, какія чудеса, потому что если я вамъ расскажу, то я не буду истинный аѳинянинъ. Я расскажу вамъ все точь-въ-точь, какъ случилось.

ПИГВА. Говори, говори, любезный Основа!

ОСНОВА. Ни слова обо мнѣ. Все, что я скажу вамъ теперь, это - что герцогъ откушалъ. Надѣвайте ваши костюмы, привяжите хорошіе шнурки къ вашимъ бородамъ и новыя ленты къ вашимъ башмакамъ. Сейчасъ отправляйтесь во дворецъ. Пусть всякій заглянетъ хорошенько въ свою роль, ибо - коротко и ясно - наша пьеса будетъ представлена. Пусть Эисби, на всякій случай, надѣнетъ чистое бѣлье; да не позволяйте тому, кто долженъ представлять льва, грызть свои ногти: пусть онъ выставитъ ихъ, какъ львиные когти! Да еще, возлюбленные актеры, не кушайте луку или чесноку, потому что дыханіе наше должно быть пріятно. Я не сомнѣваюсь, что мы услышимъ похвалы нашей комедіи. Ни слова болѣе. Отправляемся! Маршъ! *(Всѣ уходятъ.)*

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА I.

Аѳины. Комната во дворцѣ Тезея.

Входятъ ТЕЗЕЙ, ИППОЛИТА, ФИЛОСТРАТЪ, придворные и свита.

ИППОЛИТА.

Какъ странны, мой Тезей, рассказы ихъ!

ТЕЗЕЙ.

Да, странностей въ разказахъ этихъ больше,
 Чѣмъ истины. Но не повѣрю я
 Волшебнымъ глупостямъ и старымъ баснямъ.
 Влюбленные, равно какъ и безумцы,
 Имѣютъ всѣ такой кипучій мозгъ,
 Столь странныя фантазіи, что часто
 Имъ кажется за истину такое,
 Чего никакъ смыслъ здравый не пойметъ.
 Безумный и влюбленный, и поэтъ
 Составлены всѣ изъ воображенья.
 Одинъ - и это сумасшедшій - видитъ
 Вокругъ себя такую тьму чертей,
 Что не вмѣстилъ бы ихъ и адъ обширный;
 А кто влюбленъ - такой же сумасшедшій -
 Тотъ на челѣ цыганки смуглой зритъ
 Елены красоту; поэта взоръ,
 Пылающій безуміемъ чудеснымъ,
 То на землю, блистая, упадаетъ,
 То отъ земли стремится къ небесамъ.
 Потомъ, пока его воображенье
 Безвѣстные предметы облекаетъ
 Въ одѣжду формъ, поэтъ своимъ перомъ
 Торжественно ихъ всѣ осуществляетъ
 И своему воздушному *ничто*
 Жилище онъ и мѣсто назначаетъ.
 Да, сильное воображенье часто
 Проказитъ такъ, что, ежели оно
 Лишь вздумаетъ о радости - тотчасъ же
 Передъ собой оно какъ-будто видитъ
 И вѣстника той радости; а ночью
 Оно въ себѣ рождаетъ ложный страхъ
 И кустъ легко медвѣдемъ почитаетъ.

ИППОЛИТА.

Однако въ ихъ разказахъ обо всемъ,
 Что въ эту ночь случилось, въ превращеньи
 Ихъ умственныхъ способностей и чувствъ,
 Есть не одна игра воображенья.
 Хоть это все достойно удивленья.
 Но къ истинѣ подходитъ очень близко.

Входят Лизандеръ, Деметрій, Гермія и Елена.

Тезей.

А, вотъ идутъ и самыя четы! Какъ полны
Веселія и радости онѣ!
Мои друзья, пускай любовь и радость
Сопутствуютъ вамъ въ жизни.

Лизандеръ.

Государь!
Пусть болѣе, чѣмъ намъ утѣхи, радость
Сопутствуютъ вамъ въ царственныхъ прогулкахъ
И за столомъ, и въ свѣтлыхъ сновидѣньяхъ!

Тезей.

Посмотримъ-ка, какія развлеченья
И пляски намъ предложить Филостратъ,
Чтобы убить трехчасовую вѣчность
Межъ ужиномъ и часомъ спать ложиться?
Но гдѣ же онъ, наш учредитель празднествъ?
Что въ этотъ день намъ приготовилъ онъ?
Комедіей какой-нибудь нельзя ли
Тоску часовъ тяжелыхъ облегчить?
Гдѣ Филостратъ?

Филостратъ.

Я здѣсь, Тезей могучій!

Тезей.

Скажи скорѣй, веселости какія
Ты нынче вечеромъ предложишь намъ:
Комедію ль, иль музыку какую?
Какъ обмануть лѣнныя часы,
Когда у насъ не будетъ развлеченій?

Филостратъ.

Вотъ списокъ приготовленныхъ забавъ.
Что будетъ, государь, тебѣ угодно
Изъ нихъ избрать? Съ чего велѣтъ начать?

(Подаетъ бумагу.)

Тезей (читаетъ).

«Сраженіе кентавровъ. Будетъ пѣть
«Аѳинскій евнухъ и играть на арфѣ.»
Не нужно. Я рассказывалъ объ этомъ
Моей женѣ, во славу Геркулеса.
«Какъ пьяныя вакханки растерзали

«Въ часъ бѣшенства фригійскаго пѣвца.»
Старо - и я ужъ это слышалъ разъ,
Когда изъ Оивъ съ побѣдой возвратился.
«Скорбь трижды трехъ прекрасныхъ музъ о смерти,
Постигнувшей науку въ нищетѣ».
Тутъ тонкая и старая сатира:
На брачномъ торжествѣ ей мѣста нѣтъ!
«Грустная, краткая сцена Пирама,
Истинно траги-веселая драма.»
Траги-веселая и грустная при томъ,
И краткая! Да это ледъ горячій
И твѣрдый снѣгъ. Ну, какъ согласовать
Всѣ эти несогласья?

ФИЛОСТРАТЪ.

Государь,
Во всей піесѣ этой, можетъ-быть,
Какихъ-нибудь словъ десять. Я не знаю
Другой піесы столь короткой; но,
Мой государь, и эти десять словъ
Въ ней лишнія. Вотъ отчего она
И краткая, и грустная піеса.
Въ ней слова нѣтъ на мѣстѣ; нѣтъ актера,
Хоть крошечку способнаго. Она
Трагической піесой названа
Лишь потому, что въ ней лишаетъ жизни
Себя Пирамъ; но, признаюсь, когда
Я видѣлъ репетицію піесы,
Глаза мои слезами наводнялись,
И громкій смѣхъ едва ли заставлялъ
Когда-нибудь лить слезы веселѣе.

335

ТЕЗЕЙ.

А кто жъ актерами?

ФИЛОСТРАТЪ.

Мастеровые,
Которые мозольными руками
Работаютъ въ Аѳинахъ. Въ первый разъ
Сегодня умъ ихъ въ дѣйствиіи: они
Неопытную память нагрузили
Въ день вашего супружества піесой.

ТЕЗЕЙ.

И мы ее услышимъ.

ФИЛОСТРАТЪ.

Государь!

Повѣрьте мнѣ, она васъ недостойна.

Я слышалъ всю піесу до конца:

Пустѣйшая, ничтожнѣйшая пьеса!

Но, можетъ быть, пріятно будетъ вамъ

Намѣреніе съ усиліемъ жестокимъ

Вамъ услужить.

ТЕЗЕЙ.

Піесу мы услышимъ.

Я никогда не оттолкну услугъ,

Предложенныхъ и ревностно, и просто.

Поди, зови сюда скорѣй актеровъ,

А дамъ прошу садиться по мѣстамъ.

(Филостратъ уходитъ.)

ИППОЛИТА.

Я не люблю смотрѣть на то, что дурно,

И видѣть, какъ усердье пропадаетъ

Въ усиліяхъ напрасныхъ.

ТЕЗЕЙ.

Милый другъ,

Ты этого, повѣрь мнѣ, не увидишь.

ИППОЛИТА.

Онъ говоритъ, что ничего они

Представить намъ порядочно не могутъ.

ТЕЗЕЙ.

Тѣмъ будемъ мы любезнѣе съ тобой,

Благодаря ихъ даже за дурное.

Ошибки ихъ забавой будутъ намъ.

Коль бѣдное стараніе безсильно,

То чистое усердье выкупаетъ

Невольный неуспѣхъ. Случалось часто,

Когда я путешествовалъ, меня

Сановники привѣтствовать хотѣли

Готовыми рѣчами. Иногда

Они блѣднѣтъ и трястись начинали,

Мѣшались среди начатой фразы,

Нѣмѣлъ отъ страха опытный языкъ -

И, наконецъ, они вдругъ умолкали,
Привѣтствіе свое не досказавъ.
Но, милая, повѣришь ли, что въ ихъ
Молчаніи привѣтствіе я видѣлъ,
И въ скромности пугливаго усердья
Я болѣе, повѣрь мнѣ, находилъ,
Чѣмъ въ языкъ болтливомъ смѣльчака
И въ дерзкомъ краснорѣчьи. Признаюсь,
Что, по моимъ понятіямъ, любовь,
При языкъ простомъ чистосердечья,
Всегда сильнѣе сердцу говорить.

Входитъ Филостратъ.

ФИЛОСТРАТЪ.

Когда угодно будетъ, государь -
Прологъ готовъ.

ТЕЗЕЙ.

Пускай его войдетъ.

Звуки трубъ. Входятъ Пигва и Прологъ.

ПРОЛОГЪ.

«Коль не удастся намъ піеса, мы желали,
Чтобъ знали вы, что мы не съ тѣмъ пришли сюда,
Чтобъ намъ не удалось; мы вотъ чего искали:
Вамъ предложить свои услуги, господа;
Вотъ нашего конца вѣрнѣйшее начало.
Вамъ угодить вполнѣ, не зная ничего,
Не смѣли думать мы, одно насъ здѣсь собрало,
Васъ позабавить всѣхъ, мы здѣсь не для того,
Чтобъ вы раскаялись, готовы мы стараться,
Изъ представленія жъ легко вамъ увидать,
Въ чемъ будетъ именно піеса заключаться
И что вы будете, конечно, скоро знать!»

ТЕЗЕЙ. Ну, этотъ молодецъ не слишкомъ силенъ въ знакахъ препинанія!

ЛИЗАНДЕРЪ. Чтобы прочесть прологъ, онъ пустилъ свой языкъ какъ бѣшеннаго жеребенка, который не знаетъ препятствій. Однакоже, тутъ есть нравоученіе, государь: недостаточно говорить, но надо говорить съ толкомъ.

ИППОЛИТА. Въ самомъ дѣлѣ, онъ проговорилъ свой прологъ, какъ ребенокъ, играющій на флажолетѣ: звуки есть, но безъ всякой гармоніи.

ТЕЗЕЙ. Его рѣчь была похожа на запутанную цѣпь: ни одного кольца не потеряно, но всѣ они въ безпорядкѣ. Что это еще?

Входятъ Пирамъ, Эисби, Стѣна, Луна и Левъ.

ПРОЛОГЪ.

«Что видите вы здѣсь, быть можетъ, васъ дивить,
 Достойны зрители! Дивитесь себѣ,
 Пока вамъ истина всего не объяснить.
 Сія красавица есть госпожа Өисбе,
 Сей человѣкъ Пирамъ, коль вамъ угодно знать,
 А сей, съ известкою, здѣсь стѣну представляетъ,
 Ту стѣну страшную, которая страдать
 Любовниковъ моихъ въ разлукѣ заставляеть.
 По милости ея, бѣдняжечки съ трудомъ,

Лишь шепотомъ сквозь щель, бесѣдуютъ порою.
 Вотъ этотъ съ фонаремъ, съ собакой и съ кустомъ,
 Представить лунный свѣтъ. Я вамъ теперь открою,
 Что Өисби и Пирамъ у Ниновой могилы
 Рѣшились сойтись, когда взойдетъ луна,
 Чтобъ высказать - насколько они другъ другу милы.
 Но только лишь Өисби пришла туда одна,
 Какъ сей ужасный звѣрь - львомъ Богъ его назвалъ -
 Спугнулъ прекрасную, иль просто испугалъ.
 И вотъ, когда она въ испугѣ убѣгала,
 Мантилійка съ ея лилейныхъ плечъ упала.
 Тогда презрѣнный звѣрь накидочку схватилъ
 И, въ ярости ее онъ кровью обагрилъ.
 Потомъ пришелъ Пирамъ, прекрасный и высокій,
 Мантилійку Өисби погибшей онъ нашель,
 И дерзкимъ остріемъ онъ, въ горести жестокой,
 Кипящу грудь свою, рыдая, прокололъ.
 Тогда опять Өисби на сцену прибѣгаетъ
 И, выхвативъ кинжалъ, себя имъ поражаетъ.
 А остальное все въ подробномъ разговорѣ
 Расскажетъ вамъ сей левъ и свѣтлая луна,
 Чета любовниковъ и страшная Стѣна,
 При вашемъ собственномъ и благосклонномъ взорѣ!»

(Прологъ, Пирамъ, Левъ и Луна уходятъ.)

ТЕ СЕЙ. Ужъ не будетъ ли и левъ говорить?

ДЕМЕТРІЙ. Тутъ не будетъ ничего мудренаго. Отчего же не быть одному говорящему льву, когда есть такъ много говорящихъ ословъ?

СТѢНА.

«Въ сей интермедіи случилось, что я,
 Я - Рыло прозвищемъ, разыгрываю стѣну:
 Но знайте, господа, стѣна такая я,

Что есть во мнѣ дыра иль щель дырѣ въ замѣну,
Дабы любовники, Пирамъ нашъ и Өисбе,
Могли сквозь эту щель, благодаря судьбѣ,
Хоть часто, но тайкомъ, шептаться межъ собою.
А этотъ камешекъ съ известкой распускною
Доказываетъ вамъ, что точно я стѣна.
Сомнѣнья въ этомъ нѣтъ? А вотъ и щель видна.
Немножко въ бокъ она но сквозь нее, о диво,
Любовники не разъ шептались боязливо.»

ТЕЗЕЙ. Можно ли требовать, чтобъ известъ и штукатурка говорили лучше этого?

ДЕМЕТРІЙ. Государь, это самая умная Стѣна, которую я когда-либо слышалъ говорящею.

Входитъ ПИРАМЪ.

ТЕЗЕЙ. Пирамъ приближается къ Стѣнѣ. Молчите!

ПИРАМЪ.

«О, ночь ужасная! о, черная, о ночь!
О, ночь, которая вездѣ, гдѣ нѣту дня!
Увы, увy, увy! О, ночь, о, ночь!
Боюсь я, что Өисби забыла про меня;
А ты, а ты, Стѣна, о милая Стѣна,
Между моею и землей ея отца
Стоящая Стѣна, о, милая Стѣна!
Привѣтна будь, Стѣна, Пираму до конца,
И покажи мнѣ щель, дабы я сквозь нее
Могъ увидеть, хоть вскользь, сокровище мое.

(Стѣна подымаетъ руку съ растопыренными пальцами).

Благодарю тебя, привѣтная Стѣна!
Да сохранить тебя Зевесъ отъ поврежденья!
Но что я вижу? О, Өисби мнѣ не видна!
Ты, злобная Стѣна, лишаешь наслажденья.
Да будутъ прокляты всѣ камешки твои
За то, что рушила надежды ты мои!»

ТЕЗЕЙ. Мне кажется, что Стѣна, имѣя способность чувствовать, должна бы отвѣчать ему такими же проклятіями.

ПИРАМЪ. Нѣтъ, государь, поистинѣ она не должна этого дѣлать. «Надежды ты мои!» Послѣ этихъ словъ начинается роль Өисби. Теперь она входитъ - и я замѣчаю ее сквозь эту стѣну. Вы увидите, что все будетъ точь-въ-точь, какъ я говорю. Вотъ она приближается.

Входитъ ӨИСБИ.

ӨИСБИ.

Какъ часто ты, Стѣна, слезамъ моимъ внимала

О томъ, что разлученъ со мною мой Пирамъ!
Губами алыми какъ часто цѣловала
Я камешки твои съ известкой по краямъ!

ПИРАМЪ.

О, слышу голосъ я! Я къ щелкѣ приложуся:
Увижу, можетъ-быть, Эисби моей черты.
Эисби!

ЭИСБИ.

О милый мой! ты - милый, я клянуся!
Я думаю, что такъ?

ПИРАМЪ.

Что хочешь, думай ты;
Любовію твоей я избранъ - и измѣна
Мнѣ неизвѣстна, какъ Лизандеру, о, Эисби!

ЭИСБИ.

А я тебѣ вѣрна до гроба, какъ Елена!

ПИРАМЪ.

«Вѣрнѣй ли Прокрусь бывалъ Шафаль Эисбе?

337

ЭИСБИ.

«Какъ Прокрусь Шафаль, такъ я вѣрна тебѣ!

ПИРАМЪ.

«Поцѣловать меня сквозь стѣну потрудися.

ЭИСБИ.

«Я не уста твои цѣлую, а дыру!

ПИРАМЪ.

«Ну, хочешь ли итти со мной на холмъ Ниниса?

ЭИСБИ.

«Сейчасъ туда иду, иль пусть скорѣй умру!

(Пирамъ и Эисби уходятъ.)

СТѢНА.

«Узнайте: я, Стѣна, окончила долгъ свой,
«А потому Стѣна идетъ теперь домой.»

(Стѣна уходитъ.)

ТЕЗЕЙ. Теперь стѣна, раздѣлявшая двухъ сосѣдей, уничтожена.

ДЕМЕТРІЙ. Что жъ иначе дѣлать, государь, съ такими стѣнами, которыя такъ дерзки, что слушаютъ, не предостерегая.

ИППОЛИТА. Вотъ самый глупый сбродъ словъ, который я когда-либо слышала!

ТЕЗЕЙ. Лучшія зрѣлища этого рода не болѣе, какъ призраки, и худшія не будутъ хуже, если имъ поможетъ воображеніе.

ИППОЛИТА. Такъ для этого нужно ваше воображеніе, а не ихъ?

ТЕЗЕЙ. Если мы не вообразимъ о нихъ ничего хуже того, что они воображаютъ сами о себѣ, то они могутъ показаться отличными актерами. Вотъ идутъ сюда два благородные звѣря: луна и левъ.

Входятъ Левъ и Луна.

ЛЕВЪ.

«Сударыни, въ коихъ всѣ чувства столько тонки,
«Что ихъ тревожатъ и ничтожныя мышонки,
«Вы, можетъ-быть, теперь здѣсь всѣ затрепетали,
«Когда бы точно льва ревъ дикій услышали;
«Но знайте: я ни левъ, ни львица по натурѣ -
«Нѣтъ, я Буравъ, столяръ и левъ по львиной шкурѣ;
«Но если бъ я былъ левъ и вдругъ пришелъ сюда,
«Сударыни, тогда была бы мнѣ бѣда!»

ТЕЗЕЙ. Вотъ премилое и пресовѣстливое животное.

ДЕМЕТРІЙ. Самое доброе животное, государь, которое я когда-либо видѣлъ.

ЛИЗАНДЕРЪ. Этотъ левъ - настоящая лисица, по своему мужеству.

ТЕЗЕЙ. Правда - и настоящій гусь по своему благоразумію.

ДЕМЕТРІЙ. Не совсѣмъ такъ, государь, такъ какъ его мужество не можетъ побѣдить его благоразумія; а лисица побѣждаетъ гуся.

ТЕЗЕЙ. Впрочемъ, я увѣренъ, что и его благоразуміе не можетъ побѣдить его мужества, какъ гусь не можетъ побѣдить лисицу. Но довольно, оставимъ его съ его благоразуміемъ и послушаніемъ, что скажетъ намъ луна.

ЛУНА.

«Двурогую луну фонарь сей представляетъ.»

ДЕМЕТРІЙ. Ему бы должно имѣть рога на лбу.

ТЕЗЕЙ. Да, вѣдь, это не новая луна, и рога исчезли въ полнолуніи.

ЛУНА.

«Двурогую луну фонарь сей представляетъ;
«А я тотъ человѣкъ, въ лунѣ что обитаетъ!»

ТЕЗЕЙ. Вотъ въ чемъ самая главная ошибка: человѣкъ долженъ былъ влѣзть въ фонарь; иначе, какъ же онъ можетъ представлять человѣка въ лунѣ?

ДЕМЕТРІЙ. Онъ не осмѣлился влѣзть туда ради свѣчки: видите, какъ она нагорѣла!

ИППОЛИТА. Мнѣ наскучила эта луна; я бы желала, чтобъ она вздумала перемѣниться.

ТЕЗЕЙ. Судя по слабости разсудка этой луны, кажется, что она въ ущербъ; но учтивость и справедливость требуютъ, чтобы мы дождались, пока она совершитъ свое теченіе.

ЛИЗАНДЕРЪ. Продолжай, Луна!

ЛУНА. Все, что я имѣю сказать, состоитъ въ томъ, что этотъ фонарь есть луна, а я - человѣкъ въ лунѣ; что этотъ терновый кустъ - мой терновый кустъ, а эта собака - моя собака.

ДЕМЕТРІЙ. По-настоящему, все это должно быть въ фонарѣ, потому что все это находится въ лунѣ. Но, тише! Вотъ идетъ Өисби.

Входитъ Өисби.

ӨИСБИ.

«А, вотъ могила стараго Нинни!
«Но гдѣ же мой возлюбленный?»»

ЛЕВЪ.

«О-о!!»

(Левъ рычитъ, Өисби убѣгаетъ и роняетъ мантилію.)

ДЕМЕТРІЙ. Славно рычишь, левъ!

ТЕЗЕЙ. Славно бѣгаешь, Өисби!

ИППОЛИТА. Славно свѣтишь, луна! Право, луна свѣтитъ съ необыкновенною ловкостью.

(Левъ разрываетъ мантилію и убѣгаетъ.)

ТЕЗЕЙ. Славно сцапалъ, левъ.

ПИРАМЪ. Теперь приходитъ Пирамъ.

ЛИЗАНДЕРЪ. А Левъ, конечно, исчезаетъ.

338

Входитъ ПИРАМЪ.

ПИРАМЪ.

«Благодарю тебя, о, милая луна,
«За то, что нынче ты блестяща и ясна!
«Когда ты будешь мнѣ отрадно такъ блестятъ,
«Я милую Өисби надѣюсь лицезрѣть!
«Но стой! О, видъ ужасный!
«Посмотримъ! О несчастный!
«Какое зрѣлище ужасно вижу я!
«Глаза мои, смотрите!

«Возможно ли - скажите?
«О, милая Эисби! о, душенька моя!
«Мантілійка безцѣнна,
«Здѣсь кровью обогрѣнна.
«Жестоки фурии, приблизьтесь поскорѣй!
«О, Парки, приходите
«И жизнь мою прервите.
«Убейте, задушите,
«Избавьте вы меня отъ тяжелой жизни сей!»

ТЕЗЕЙ. Это отчаяніе и смерть милаго друга могутъ почти сдѣлать
человѣка печальнымъ.

ИППОЛИТА. Клянусь моимъ сердцемъ мнѣ жаль этого человѣка!

ПИРАМЪ.

«Природа, для чего ты львовъ произвела?
«Левъ страшный умертвилъ Эисби мою во цвѣтѣ.
«Она есть лучшая... Нѣтъ, нѣтъ: она была
«Изъ женщинъ лучшая, которая на свѣтѣ
«Когда-нибудь жила, любила и цвѣла!
«О, лейся слезъ потокъ!
«О мечъ мой, обнажись
«И остріемъ вонзись
«Пираму въ лѣвый бокъ,
«Вотъ какъ я умираю!

(Поражаетъ себя мечомъ.)

«Я умеръ и душой
«Я въ небесахъ витаю
«Языкъ, остановись
«Ты, мѣсяцъ удались
«Здѣсь кости я свои бросаю
«Я умираю, умираю.

(Пирамъ умираетъ. Луна уходитъ.)

ДЕМЕТРІЙ. Не кости, а только очко, потому что онъ одинъ.

ЛИЗАНДЕРЪ. Какое онъ очко? онъ умеръ, слѣдовательно - онъ ничто.

ТЕЗЕЙ. Однако, съ помощью медика, онъ можетъ выздороветь и
сдѣлаться опять осломъ.

ИППОЛИТА. Отчего же лунный свѣтъ исчезъ прежде, чѣмъ Эисби
возвратилась и отыскала своего любовника?

ТЕЗЕЙ. Она отыщетъ его при свѣтѣ звѣздъ. Вотъ она идетъ, и ея отчаяніе
окончить пьесу.

Входитъ Эисби.

ИППОЛИТА. Кажется, что для такого Пирама ея отчаяніе не будетъ
продолжительно. Я надѣюсь, что она скоро кончитъ.

ДЕМЕТРІЙ. Одинъ атомъ могъ бы перевѣсить всѣхъ и рѣшить, кто изъ нихъ лучше Пирамъ или Өисби?

ЛИЗАНДЕРЪ. Вотъ она уже высмотрѣла его своими прекрасными глазками.

ДЕМЕТРІЙ. И начинаетъ его оплакивать нижеслѣдующимъ образомъ:

ӨИСБИ.

«Ты здѣсь уснулъ, мой дорогой!
«Какъ? умеръ ты, голубчикъ,
«Пирамъ, о, встань и говори!
«Но ты молчишь - ты умеръ? Да!
«Ужель могила навсегда
«Должна закрыть глаза твои?
«Уста лилейны, алый носъ -
«Исчезло все, все рокъ унесъ!
«Любовники, стонайте!
«Ланиты, буквицы желтѣй,
«У смерти вопрошайте.
«Вы, три сестры, издалека,
«Съ руками цвѣта молока,
«Ко мнѣ скорѣй придите!
«Вы взяли мой предметъ любви -
«Теперь скорѣй въ моей крови
«Вы руки окуните!
«Приди скорѣй, мой вѣрный мечъ,
«И въ грудь вонзись, чтобъ жизнь пресѣчь,
«А ты, языкъ - ни слова.
«Прощайте, всѣ мои друзья!
«Такъ умираю вѣрной я!
«Прощайте - я готова!»

(Поражаетъ себя мечомъ и умираетъ.)

ТЕЗЕЙ. Луна и левъ оставлены въ живыхъ, чтобы схоронить мертвыхъ.

ДЕМЕТРІЙ. Да, и Стѣна тоже.

ОСНОВА. Извините, могу васъ увѣрить, что стѣна, которая раздѣляла ихъ отцовъ, не существуетъ. Не угодно ли вамъ посмотрѣть эпилогъ или послушать бергамасскій танецъ, исполненный двумя изъ нашей компаніи?

ТЕЗЕЙ. Прощу васъ, безъ эпилога. Для вашей пьесы совершенно не нужны извиненія. Вамъ нечего извинять: всѣ актеры умерли, слѣдовательно, некого и хулить. Если бы тотъ, который сочинилъ эту пьесу, игралъ Пирама и повѣсилъ бы на подвязкѣ Өисби, то изъ этой пьесы вышла бы превосходная трагедія. Но ваша пьеса, все-таки, хороша и прекрасно исполнена. Теперь покажите намъ свой бергамасскій танецъ, а эпилогъ оставьте.

(Веселый протонародный танецъ.)

Т Е З Е Й .

Двѣнадцать разъ полуночи языкъ
Ужъ прогудѣлъ. Любовники, въ постели.
Теперь насталъ волшебный часъ духовъ.
Похитимъ мы у утра тѣ часы,
Которые мы подарили ночи.
Нелѣпая піеса превосходно
Ускорила шаги тяжелой ночи.
Теперь, друзья, въ постели! Двѣ недѣли
Мы проведемъ въ различныхъ празднествахъ,
Въ забавахъ и ночныхъ увеселеньяхъ.

(Всѣ уходятъ.)

СЦЕНА II.

Тамъ же.

Входитъ Пукъ съ метлой.

Пукъ.

Теперь голодный левъ рычить,
И волкъ на мѣсяцъ воетъ;
Усталый пахарь крѣпко спитъ:
Ночь всѣхъ ихъ успокоитъ.
Теперь огонь въ печахъ погасъ,
Совы зловѣщей крики
Напоминаютъ смерти часъ
Страдальцу-горемыкѣ.
Теперь настала ужъ пора
Могиламъ разверзаться
И средь церковнаго двора
Покойникамъ являться.
Но эльфамъ весело - и мы,
Гекату окружая,
Скользимъ, какъ сонъ, за духомъ тьмы,
Отъ солнца убѣгая.
Итакъ, пустьмышь здѣсь не скребетъ!
А домъ - не знай потери!
Съ метлою посланъ я впередъ,
Чтобъ вымести соръ за двери!

Входятъ ОБЕРОНЪ, ТИТАНІА и ихъ свита.

ОБЕРОНЪ.

Вы по дому разбѣгитесь,

И, при трепетныхъ огняхъ,
Эльфы, дружно веселитесь,
Словно птички на кустахъ!
Пойте пѣснь мою за мною,
И пляшите всѣ толпою!

ТИТАНІА.

Ноту въ ноту, слово въ слово,
Эту пѣснь пропойте снова!
Взявшись за руки, пойдемъ
Осчастливить этотъ домъ!

(Пѣсни и пляска эльфовъ.)

ОБЕРОНЪ.

Разсыпьте, эльфы, до утра
Въ покояхъ полумрачныхъ;
А намъ теперь итти пора
Къ постели новобрачныхъ.
Вселимъ мы разомъ въ три четы
Любовь безъ измѣненія -
И будутъ полны красоты
Всегда ихъ поколѣнья.
Природа, щедрая въ дарахъ,
Дѣтей ихъ не оставитъ:
Отъ пятенъ, трещинъ на губахъ
Она ихъ всѣхъ избавитъ,
И знакамъ, вѣстникамъ дурнымъ,
Забытымъ при рожденіи,
Потомъ же пагубнымъ инымъ,
Не быть въ ихъ поколѣнни.
Теперь рососою полевой
Покои окропите,
И миръ и счастье въ домъ людской
Навѣки водворите!
О, эльфы! радостной толпой
Умыться торопитесь,
Но утромъ будьте всѣ со мной,
Съ разсвѣтомъ воротитесь.

(Оберонъ, Титанія и ихъ свита уходятъ въ разныя двери.)

ПУКЪ *(къ зрителямъ)*.

Когда мы вамъ не угодили
Загладить можно то вполнѣ,
Лишь только бъ вы вообразили,
Что все вы видѣли во снѣ.
Пусть слабо наше представленіе.

И пьеса глупости полна,
Но если все въ ней – сновидѣнье,
То васъ не возмутитъ она.
Проститежъ насъ, и если звука
Свистковъ теперь мы избѣжимъ,
То я клянусь вамъ честью Пука:
Мы скоро васъ вознаградимъ.
Когда остались мы друзьями,
То жду я плеска вашихъ рукъ.
Теперь прощусь со всѣми вами
И все загладитъ Робинъ Пукъ.

(Уходитъ.)

Н. Сатинъ.

340

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ «СНУ ВЪ ИВАНОВУ НОЧЬ».

Дѣйствіе II, сцена I.

Входятъ съ одной стороны ЭЛЬФА, а съ другой — ПУКЪ.

Благодаря средневѣковымъ романамъ и искусственной — не только англійской, но и французской и итальянской — поэзіи, настоящее значеніе эльфовъ и особенно фей (fée, fairy) совершенно утратилось для читающаго большинства. Свойства и силы этихъ духовъ были преувеличены и переименованы литературой, такъ что въ нихъ, пожалуй, и не узнаешь обыкновенныя стихійныя существа, сродныя нашимъ домовымъ, лѣшимъ, водянымъ, русалкамъ, и т. д. Но, въ сущности, послѣдніе сходны съ эльфами и феями не только по тому мѣсту, которое занимаютъ въ народныхъ вѣрованіяхъ, но даже и по частнымъ преданіямъ о нихъ. Такъ, напримѣръ, эльфы, постоянно близкіе къ человѣку и его домашнему обиходу, безпрестанно вмѣшиваются въ его дѣла, раздѣляютъ съ нимъ радость и горе, требуютъ себѣ должнаго почета и наказываютъ за оказанное имъ неуваженіе точно такъ же, какъ и нашъ домовой; точно такъ же, какъ и нашъ домовой, заплетаютъ они или путаютъ гривы лошадямъ, смотря по тому, въ какомъ отношеніи стоятъ къ хозяину дома. Весьма естественно, что западная мифологія, вообще болѣе развитая, представляетъ и въ этомъ частномъ вѣрованіи болѣе выработанности и законченности, чѣмъ наши русскія народныя вѣрованія и не только создаетъ цѣлый особый міръ фей и эльфовъ, но изъ среды его выдѣляетъ даже такія существа, которыя олицетворяютъ собою какую-нибудь отдѣльную черту быта этихъ маленькихъ существъ. Такъ ирландскій Фука (Phooka) и англійскій Пукъ (Pouke) давятъ людей ночью,

наваливаясь имъ на грудь или бросаясь имъ на спину, если они поздно проходятъ черезъ какое-нибудь глухое мѣсто. То же самое приписываютъ нѣмцы своему *Alp* или *Mahr*, а русскіе — домовому. Въ Шекспировскомъ Пукѣ видимъ мы всѣ собирательныя черты игривыхъ, веселыхъ и иногда злобно-шутливыхъ эльфовъ. Личность его до Шекспира была почти въ такомъ видѣ создана народнымъ воображеніемъ (подъ весьма характеристическимъ прозвищемъ «*Robin Goodfellow*», Робина благопріятеля), но ужъ никакъ не литературой.

Дѣйствіе II, сцена I.

ПУКЪ.

*За то, что есть у ней прелестный мальчикъ,
Похищенный недавно у царя
Индійскаго.*

Народъ (всюду, гдѣ только есть преданія о феяхъ и эльфахъ, слѣдовательно и у германскихъ, и у кельтійскихъ племенъ) очень любитъ рассказывать объ эльфахъ, будто они похищаютъ крещеныхъ маленькихъ дѣтей, и на мѣсто ихъ подкладываютъ въ колыбели своихъ чумазыхъ, уродливыхъ, крикливыхъ и безпокойныхъ дѣтокъ. Чтобы избавиться отъ такого несноснаго крикуна, стоитъ только хорошенько припугнуть его или вынести на перекрестокъ и оставить его тамъ на ночь: эльфы непременно надъ нимъ сжалятся и вернуть того ребенка, котораго похитили.

Дѣйствіе II, сцена II.

ТИТАНІА.

*Но смертная была моя подруга
И умерла...*

Такъ говоритъ Титанія о своей подругѣ-феѣ. Въ этомъ случаѣ Шекспиръ нисколько не отступаетъ отъ народныхъ преданій, которыя рассказываютъ дѣйствительно, что и феи, и эльфы, не смотря на то, что одарены высшею силою, чѣмъ люди, однакоже не могутъ существовать долѣе извѣстнаго срока, послѣ котораго должны умереть.

Дѣйствіе III, сцена I.

Входятъ Пигва, Буравъ, Основа, Флейта, Рыло и Выдра.

Выставляя въ пьесѣ артель рабочихъ, которые собираются играть для забавы герцога аѳинскаго, Шекспиръ опять-таки черпаетъ изъ современной ему жизни, потому что уже съ конца XIV вѣка въ англійской, народной драмѣ важное мѣсто занимали ремесленные

цехи. У каждого такого цеха былъ обыкновенно свой патронъ, въ честь котораго цехъ, но крайней мѣрѣ разъ въ годъ, обязывался сыграть пьесу, и въ ней представлены были вкратцѣ его житіе и важнѣйшія изъ чудесъ (Miracleplay). Иногда нѣсколько цеховъ условливались играть заодно большую мистерію, содержаніе которой почерпалось изъ событій исторіи Ветхаго или Новаго Заветъа. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ цехи раздѣляли между собой отдѣльныя дѣйствія мистеріи такъ: если въ какомъ-нибудь дѣйствиі упоминались предметы, входившіе въ кругъ издѣлій или способовъ какого-нибудь цеха, то это дѣйствіе и предоставлялось представлять тому цеху; такъ, на примѣръ, въ сценѣ потопа всегда принимали участіе матросы и рыбаки, въ сценѣ поклоненія волхвовъ, — ювелиры, въ представленіи страстей Господнихъ — слесаря и кузнецы, и т. д.

Тамъ же.

ΘИСБИ. *Приду къ тебѣ Пирамъ, къ Нинніевой могилѣ.*

ПИГВА. *Къ Нинусовой могилѣ, любезный.*

Ninny значитъ дуракъ, глухъ, простофиля, слѣдовательно Нинніева могила значитъ могила дурака, поэтому Пигва и поправляетъ Θизби, говоря, что нужно сказать: *Нинусова* могила. Нинусъ — древній вавилонскій царь.

Дѣйствіе III, сцена II.

ПУКЪ. *Ошибся я, повѣрь мнѣ, царь тѣней.*

Тѣнями здѣсь Пукъ называетъ эльфовъ, какъ безплотныя, подобныя тѣнямъ или призракамъ существа.

Тамъ же.

ГЕРМІА.

Ужель я такъ мала?

Ну, отвѣчай, раскрашенная жердь!

Слово въ слово: Какъ, я мала? (скажи-ка) *раскрашенная майская жердь?* Выраженіе это заимствовано отъ обычаевъ, которыми обыкновенно сопровождалось празднованье перваго мая. Вотъ какъ рассказываетъ объ этомъ праздникѣ современникъ Шекспира Стѣббсъ (ярый пуританинъ) въ своей «*Apatomie of Abuses*», напечатанной въ 1586 году. «Въ ночь на 1-е мая отправляются всѣ жители городовъ и деревень въ поля и лѣса, гдѣ и проводятъ всю ночь въ различныхъ увеселеніяхъ и откуда возвращаются съ зелеными вѣтвями въ рукахъ. Но важнѣйшее изъ всего, что приносятъ они съ собою домой — это Майское дерево, которое они привозятъ съ большимъ почетомъ, и вотъ какъ именно: берутъ 20—30 паръ воловъ, изъ которыхъ у каждого на концахъ роговъ привязаны букеты цвѣтовъ и на этихъ волахъ привозятъ домой Майское дерево, обвитое цвѣтами и травами, обвязанное лентами сверху до низу, а иногда и раскрашенное различными красками. Двѣсти-триста человѣкъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей идутъ вслѣдъ за деревомъ, и, привезя его домой и украсивъ его верхушку флагами и платками,

усыпають землю около него цвѣтами, а самый стволъ его оплетаютъ зелеными гирляндами; потомъ, *какъ истые бѣсы*, начинаютъ они около того дерева пировать, плясать и веселиться.»

Дѣйствіе IV, сцена V.

ТЕЗЕЙ.

Ночь Валентина

*Уже прошла. А вы, лѣсныя птички,
Лишь начали, никакъ, слетаться вмѣстѣ!*

У Шекспира просто:

«Begin the wood-birds but to couple now»? т.-е. «Развѣ лѣсныя птицы только теперь начинаютъ спариваться?» Это основано на народномъ преданіи, будто птицы начинаютъ спариваться именно со дня Св. Валентина.

Дѣйствіе V, сцена I.

ПИРАМЪ.

*Здѣсь кости я свои бросаю.
Я умираю! умираю!*

Перваго изъ этихъ стиховъ нѣтъ въ подлинникѣ, но онъ прибавленъ потому, что остались бы совершенно непонятными слѣдующія за тѣмъ слова Деметрія *не кости, а только очко, потому что онъ одинъ*. Деметрій играетъ словомъ «die» которое значитъ: «умираю и игральная кость, а также словомъ асе (очко) имѣющимъ въ произношеніе довольно близкое сходство со словомъ ass осель.

Дѣйствіе V, сцена II.

ОБЕРОНЪ.

*И знакамъ, вѣстникамъ дурнымъ,
Забытымъ при рожденьи...*

Здѣсь говорится вообще о родимыхъ пятнахъ. Однакоже, не всѣ родимыя пятна въ народныхъ повѣрьяхъ считаются одинаковыми по своимъ свойствамъ изъ нихъ тѣ, которыя бываютъ видимы человѣку, приносятъ ему несчастіе а тѣ, которыя невидимы – счастье.